

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

№ 6, 1998

Адвокат
Лидия САВЕЛЬЕВА:
"Уважение к адвокатуре –
это в первую очередь
уважение к коллегам"

Читайте
на стр. 23:

КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ

Разрешение
экономических споров,
вытекающих из
внешнеэкономических
и внутрироссийских
контрактов при наличии
арбитражного
соглашения
(арбитражной оговорки)
в контракте.

117393, Москва,
ул. Академика Пилюгина, 22
Тел.: 132-74-17
Факс: 132-00-29

при Московской торгово-промышленной палате

 А. КОНСАЛТИНГ
Общество с ограниченной ответственностью

ПРЕДЛАГАЕТ УСЛУГИ ПО:

- ✓ РЕГИСТРАЦИИ И ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ
– РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ
– ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ,
ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ, ГРП
 - ✓ РЕГИСТРАЦИИ ВЫПУСКОВ ЦЕННЫХ
БУМАГ
 - ✓ БУХГАЛТЕРСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ
 - ✓ СОСТАВЛЕНИЮ ОТЧЕТОВ ЭМИТЕНТОВ
ДЛЯ ФКЦБ
 - ✓ ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ СОБРАНИЙ
АКЦИОНЕРОВ
 - ✓ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ РЕЕСТРА
АКЦИОНЕРОВ
- Тел.: 978-65-23
Факс: 978-64-10

Лицензия ЦЛМД № 8275/8271
на проведение судебно-медицинских экспертиз

**Независимая экспертная оценка
на основании выписок из актов:**

**судебно-медицинского
освидетельствования, амбулаторных
карт, историй болезни и прочих
медицинских документов с выдачей
заключения для судебных органов.**

**Консультирование адвокатов
по вопросам
судебно-медицинской экспертизы.**

Телефон для справок:
(095) 901-7537,
для корреспонденции:
e-mail: expert@mol.ru

КонсультантПлюс

**Общероссийская сеть
распространения правовой
информации
Законодательство России,
Москвы, Московской области,
Российских регионов,
законодательство для
бухгалтера**

Ежедневное пополнение
информации по модему,
еженедельное – курьером
Бесплатный выезд торгового
агента для установки
демонстрационной версии и
консультаций

КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС

125581, Москва, а/я 512
Тел./факс: 453-28-78
“Волна” – региональный центр

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Учредитель – ГИЛЬДИЯ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ

Редакционный совет

Г.Б. МИРЗОЕВ, председатель редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов

Э.А. БАКИРОВ, заместитель премьера правительства г. Москвы

В.С. ИГОНИН, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

В.Я. ЗАЛМАНОВ, председатель президиума Межтерриториальной коллегии адвокатов

Д.А. КЕРИМОВ, член-корреспондент Российской академии наук

Н.Н. КЛЕН, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов

О.Е. КУТАФИН, ректор Московской государственной юридической академии

М.А. МИТЮКОВ, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ

Г.М. РЕЗНИК, заместитель председателя редакционного совета, председатель президиума Московской городской коллегии адвокатов

Б.С. САЛЮКОВ, начальник Управления юстиции г. Москвы

С.В. СТЕПАШИН, министр внутренних дел РФ

В.Г. СТРЕКОЗОВ, член Конституционного суда РФ

А.И. ТИХЕНКО, президент Федеральной нотариальной палаты

Главный редактор

Р.А.ЗВЯГЕЛЬСКИЙ, вице-президент Гильдии российских адвокатов

Редколлегия

П.Д. БАРЕНБОЙМ, вице-президент Международного союза адвокатов

В.В. ВИТРЯНСКИЙ, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ

М.П. ВЫШИНСКИЙ, президент Международной ассоциации правозащитников «Юристы – деловому миру»

Н.К. ДОРИЗО, поэт, лауреат Государственной премии России

Ю.А. ЕФИМОВ, член президиума Московской областной коллегии адвокатов

А.Г. ЗВЯГИНЦЕВ, старший помощник Генерального прокурора РФ

Ю.А. КОСТАНОВ, председатель президиума коллегии адвокатов «Адвокатская палата»

В.Н. КУДРЯВЦЕВ, вице-президент Российской академии наук

В.И. РАДЧЕНКО, первый заместитель председателя Верховного суда РФ

М.М. РАССОЛОВ, заведующий кафедрой правовой информатики Московской государственной юридической академии

В.М. САВИЦКИЙ, заведующий сектором Института государства и права РАН

В.П. СЕЛЕДКИН, заместитель главного редактора

И.Ю. СУХАРЕВ, начальник отдела Министерства юстиции РФ

Журнал зарегистрирован
Комитетом РФ по печати.
Свидетельство №013485
Наш адрес в Internet:
www.angelfire.com/biz2/ruslawyer

Адрес редакции
107120, Москва,
М.Полуярский пер., 3/5.
Тел.: (095) 917-7546;
Факс: (095) 975-2416.

В НОМЕРЕ:

№ 6, 1998

Адвокат в демократическом обществе	4
Олег Миронов Уполномочен выслушать и решить	6
Александр Ларин К вопросу о профессионализме	8
Игорь Вашкевич Выправленные судьбы	12
Сергей Доронин Кот в загранмешке	16
Елена Горемыкина Осторожно: кинопираты!	18
Давид Давитадзе Государственный интерес	20
Юрий Теплов На грани флага	24
Лариса Мове Заложники и похитители	30
Савле Гоголадзе Ворсинки с модного пальто	34
Александр Суханов Сотворение добра	38
Марк Крутер МРКА: направление – Берлин	42
Ирина Космовская Дружит ли муза с Законом?	46

Наша обложка:
Заведующая юридической консультацией «Норма» коллегии адвокатов «Московский юридический центр» Лидия Савельева

Фото Рудольфа Рязанова

Олег Миронов
«Уполномочен
выслушать
и решить»

Стр. 6-7

«Мне бы хотелось опереться на поддержку адвокатского сообщества.»

стр. 30-31

Лариса Мове
«Заложники
и похитители»

«Один из них достает пистолет и стреляет мимо моей головы...»

Александр Суханов
«Сотворение
Аобра»

стр. 38-40

«Нет, не осканда Россия на доброту и отзывчивость!»

Единство помыслов и действий

В Свято-Даниловом монастыре в Москве по инициативе Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялась Соборная встреча Всемирного Русского Народного Собора «Россия: путь к спасению».

В ее работе приняли участие главы и представители высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации и ее субъектов, лидеры политических партий и парламентских фракций, адвокатских и различных общественных объединений, деятели профсоюзного движения, науки и культуры, представители Русской Православной Церкви и других традиционных религиозных конфессий России.

В работе форума принял участие президент Гильдии российских адвокатов Г. Б. Мирзоев.

Участники Соборной встречи, несмотря на имеющиеся различия в понимании политических и экономических решений, принятых в последние годы, а также программы действий на будущее, проявили готовность начать совместный поиск конкретных путей устранения причин нынешнего кризиса, выработать единую, согласованную экономическую политику в целях ее проведения правительством РФ.

Участники Соборной встречи обратились к согражданам, соотечественникам с призывом – спасти Россию. Это наш долг перед Богом, Народом и Историей.

Есть московский Совет адвокатуры!

Идея образовать некий координирующий орган витала среди московских адвокатов давно. В столице зарегистрированы 14 коллегий адвокатов, и часто возникает необходимость согласовать позиции, совместно предложить властям то или иное решение. Причем общих проблем становится все больше: от увязшего в Думе проекта Закона об адвокатуре до разорительных выплат в Пенсионный фонд РФ. Потому неудивительно, что с конца 1996 года председатели президиумов московских коллегий уже многократно собирались на экстренные заседания, решая очередной наболевший вопрос. Вот и пришла мысль упорядочить эти встречи, придать им определенный статус, сделать их регулярными. Пришло и название будущего органа – Совет адвокатуры города Москвы.

Подготовкой проекта Положения о Совете занялся председатель Межрегиональной коллегии адвокатов Сергей Кривошеев. Варианты проекта обсуждались во всех коллегиях, а на очередном заседании руководителей коллегий состоялась окончательная доводка текста. В этой работе приняли участие Г. Мирзоев, С. Кривошеев, С. Юрьев, Ю. Сорокин и другие председатели президиумов и их заместители, а также ответственные работники Минюста России О. Хышиктупев и И. Сухарев, президент Международного союза (содружества) адвокатов Г. Воскресенский. Речь шла о демократических принципах работы Совета адвокатуры, о том, что все коллегии имеют в нем равное представительство, а решения принимаются на основе консенсуса. Заседания совета будут проходить не реже одного раза в месяц.

Положение о Совете адвокатуры города Москвы принято единогласно. Создание столь нужного московским адвокатам органа состоялось.

Наш корр.

... из Владимира

Недельный семинар для начинающих коллег организовал президиум Владимирской областной коллегии адвокатов №3. В качестве лекторов на нем выступили судьи облсуда В. Барсанова, Ю. Самылов и Ю. Анфилов. Речь шла о практике рассмотрения жилищных споров, принятия судебных решений при неяске одной из сторон и других новациях гражданского процесса. Состоялся обмен опытом защиты несовершеннолетних и по делам о вымогательстве. Здесь же был торжественно вручен знак «Почетный адвокат» одному из патриархов отечественной адвокатуры Дмитрию Иосифовичу Мохорову.

... из Орла

Трудно решается на Орловщине вопрос оплаты труда адвокатов, участвующих в делах по назначению следствия и суда. Деньги по этой статье поступают, хотя и с запозданием, только от управления юстиции. А управление внутренних дел задолжало одной лишь областной коллегии адвокатов №2 более 40 тысяч рублей. Не поправило ситуацию и решение суда, поддержавшего иск к неплательщикам: МВД РФ по-прежнему не выделяет средств на эти расходы. Свой долг накапливает и областная прокуратура. Лишь однажды здесь дождались из Москвы 5 тысяч рублей, специально предназначенных для обеспечения защиты в ходе особо ответственного процесса.

... из Нижнего Новгорода

Сразу после решения Конституционного суда РФ о чрезмерности адвокатских выплат в Пенсионный фонд РФ президиум Второй Нижегородской коллегии адвокатов условился с местным отделением фонда о приостановлении новых платежей. Но как долго продолжатся эти «каникулы»? Согласно решениям двух судов, бывшие взносы следовало бы учесть из расчета 5-процентного тарифа. Но хотя эти решения не были ни обжалованы, ни опротестованы, соответствующего распоряжения от руководства фонда все еще не поступило.

... из Волгограда

Нечто подобное здесь уже случалось. Года два назад адвокат Раиса Цыбулина оказалась под стражей по подозрению в подстрекательстве свидетеля к даче ложных показаний. Однако доказательств этому не нашлось, и женщину освободили. Пришлось Раисе Алексеевне требовать от следователей возмещения причиненного ей ущерба. Иск на 50 миллионов (старых) рублей суд удовлетворил. И вот похожая история. Откровенно нелепое подозрение пало теперь на адвоката Леонида Манжина, в прошлом, к слову, следователя УВД. Будто он пытался жульнически получить плату за помощь подзащитному. Но тот процесс завершился еще в мае, защитник честно исполнил свой долг. О каком мошенничестве может идти речь? В президиуме Волгоградской межрайонной коллегии адвокатов внимательно следят за развитием событий, не сомневаются в добросовестности своего товарища и не исключают, что и на этот раз незадачливым следователям придется возмещать причиненный ущерб.

... из Якутска

В столице Республики Саха открылась юридическая консультация Межреспубликанской коллегии адвокатов (заведующий Анатолий Ткаченко). Особенностью нового образования является то, что наряду с другими гражданами здесь смогут получить квалифицированную помощь военнослужащие и члены их семей. Юрконсультации МРКА открылись в последнее время также в Москве и Иванове.

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

Указами Президента РФ за заслуги в укреплении законности и многолетнюю добросовестную работу присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации»:

Бриллиу Илье Ефимовичу – члену Свердловской областной коллегии адвокатов;

Волковой Нине Иннокентьевне – члену Иркутской областной коллегии адвокатов;

Ильину Алексею Ангардановичу – члену Иркутской областной коллегии адвокатов;

Салитинскому Давиду Лазаревичу – члену Калужской областной коллегии адвокатов.

Сообщения принимали спец. корреспонденты «Российского адвоката» Игорь ВАШКЕВИЧ и Виктор ДОЛГИШЕВ

«Российский адвокат»: вчера, сегодня, завтра

Три с половиной года прошло с того дня, когда в свет вышел первый номер журнала «Российский адвокат». За эти годы из новичка журнального цеха он вырос в серьезное издание, которое пользуется известностью не только в профессиональной адвокатской среде, но и у самого широкого круга читателей, интересующихся вопросами права, соблюдения законности, защиты свобод и интересов человека.

Недавно на расширенном заседании редсовета и редколлегии журнала «Российский адвокат» обсуждался отчет его главного редактора Р. А. Звигельского, который рассказал собравшимся о большой работе коллектива редакции, проделанной по освещению жизни и профессиональной деятельности адвокатских сообществ России, анализу их наиболее острых проблем. В обсуждении приняли участие руководители крупнейших коллегий адвокатов, представители министерств и ведомств, ученые-правоведы, известные общественные деятели. Выступавшие на заседании заместитель министра юстиции РФ С. М. Юдишкин, начальник отдела Минюста И. Ю. Сухарев, председатель редсовета журнала «Российский адвокат», президент Гильдии российских адвокатов Г. Б. Мирзоев, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов Н. Н. Клен, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов В. С. Игонин, внук выдающегося российского адвоката Ф. Н. Плевако А. С. Плевако, один из старейших российских адвокатов Ю. А. Ефимов, доктор юридических наук М. М. Рассолов и многие другие участники дали высокую оценку журналу, подчеркнув его весомую роль в решении важных и ответственных задач, стоящих сегодня перед отечественной адвокатурой. На заседании были рассмотрены и намечены перспективы дальнейшего развития журнала, расширения его тематических направлений, более глубокого исследования сегодняшней адвокатской практики.

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Фото Руслана РЗАЙНОВА

В Москве состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная защите прав человека и статусу адвоката в демократическом обществе. Ее организовали Департамент по правовым вопросам Совета Европы, Министерство юстиции РФ, Гильдия российских адвокатов, Российская академия адвокатуры, Отделение прав человека Международной академии информатизации. В зале – представители всех адвокатских объединений России, делегация европейских адвокатов, ответственные работники администрации Президента РФ, Федерального собрания РФ, высших судебных органов, Генеральной прокуратуры РФ, правительства Москвы, ряда министерств и ведомств, видные ученые.

Конференцию открыл заместитель министра юстиции РФ С. Юдушкин. Он огласил приветствие участникам конференции председателя правительства РФ Е. Примакова. Были также оглашены приветствие мэра Москвы Ю. Лужкова и благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

С докладом о проблемах и задачах российской адвокатуры на современном этапе становления гражданского общества выступил президент Гильдии российских адвокатов Г. Мирзоев. Он отметил, что конференция, проходящая в Год прав человека, в канун 50-летия принятия Всеобщей декларации прав человека, призвана подчеркнуть важную роль адвокатуры в становлении правового государства и гражданского общества. Проведение этого международного форума на российском правовом поле российской сторона рассматривает как факт доверия европейской обще-

ственности происходящим у нас преобразованием и поддержке усилий на этом пути.

Докладчик заявил, что, несмотря на многочисленные трудности, в стране все же происходит поворот к соблюдению законов, к цивилизованным формам разрешения тех или иных конфликтов. Существенно изменилось российское законодательство, корпус адвокатов превысил тридцатитысячную отметку, почти повсеместно действуют юридические консультации, куда ежедневно обращаются тысячи граждан. Раньше они шли со своими бедами к чиновникам, а теперь с помощью адвокатов решают проблемы в суде. Правда, еще не все осознали необходимость заблаговременного общения с адвокатом. Оттого так много у нас обманутых вкладчиков, сомнительных договоров и пострадавших бизнесменов. Активная, достойная деятельность адвокатского сообщества способна переломить ситуацию, устранить правовой нигилизм, обеспечить надлежащую охрану прав человека и гражданина.

Но решить эти задачи адвокаты и их объединения смогут лишь при наличии должной поддержки государства, обретя необходимый статус, устранив внутренние разногласия. К сожалению, вот уже пятый год тормозится принятие нового Закона об адвокатуре. Отсутствие четкой правовой основы серьезно затрудняет адвокатскую деятельность, создает условия для посягательств на права адвокатов как со стороны законодательной, так и исполнительной власти. Известно, как сказались на положении адвокатов непродуманная фискальная политика. Нередки случаи и прямого давления на адвокатов, препятствования исполнению ими своих обязанностей.

Активно противостоять такого рода фактам мешает наша разобщенность. Действующие в стране 137 коллегий адвокатов ныне разделены на три самостоятельных объединения: Федеральный союз адвокатов, Ассоциацию адвокатов России и Гильдию российских адвокатов. Действует и бывшая всесоюзная структура – Международный союз (содружество) адвокатов. Конечно, каждое из этих объединений вносит посильный вклад в развитие сообщества, повышение уровня адвокатской помощи, пытается защитить права своих членов. Но насколько эта работа была бы более эффективной, если бы осуществлялась из единого центра, от имени всех адвокатов, на основе общих подходов, принципов и идеалов.

Между тем даже основополагающие принципы адвокатской деятельности ныне понимаются у нас по-разному. Кто-то полагает возможным отказаться от профессиональных объединений адвокатов в пользу неких общественных организаций, а кто-то и вовсе отрицает необходимость какой-либо адвокатской структуры, отстаивает частную практику адвокатов-одиночек. Убеден: ни то ни другое не пойдет на пользу нашему сообществу. Только добровольное профессиональное объединение адвокатов, а именно – коллегия адвокатов способна обеспечить надлежащее исполнение возложенных на нас обязанностей.

Лишний раз в этом убеждает плодотворная деятельность Гильдии российских адвокатов. Созданная именно как профессиональная корпорация, она унаследовала лучшие традиции прошлого и привнесла в адвокатскую среду необходимые новшества. С одной стороны, она позволяет использовать все испытанные

В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

формы адвокатских объединений: коллегии, юридические консультации, фирмы, бюро, а с другой – сплачивает усилия всех членов Гильдии для решения общих проблем.

По этому принципу (как профессиональное объединение) могло бы строиться и все адвокатское сообщество. В субъектах Российской Федерации интересы адвокатов могли бы представлять адвокатские палаты, объединяющие все действующие на данной территории коллегии. К слову, прообразы таких структур уже существуют: в Москве и Санкт-Петербурге успешно координируют деятельность коллегий соответствующие советы. А в масштабах страны возможно создание федеральной адвокатской палаты, в которую делегировали бы своих представителей все 89 региональных палат. Именно эти структуры – в центре и на местах – способны представлять интересы адвокатуры в органах власти и управления, взаимодействовать с судами и правоохранительными органами, заниматься пополнением адвокатского сообщества, устанавливать общие правила адвокатской деятельности.

Президент ГРА пригласил участников конференции обсудить эту и другие проблемы развития адвокатуры в нашей стране.

В конференции приняли участие делегаты Совета Европы. С докладами выступили председатель коллегии адвокатов Парижа **Ален де ля Бретеш**, адвокат из Германии **Ульрих Хансен**, прокурор города Страсбурга **Эдмон Стенгер**, представитель юридического департамента Совета Европы **Натали Вавржньяк**, профессор права из Италии **Мария Валерия Дель Туфо**, председатель коллегий адвокатов Бельгии **Франсуаза Коляяр**.

Выступившие затронули актуальные проблемы развития адвокатуры в странах Совета Европы на современном этапе. Одна из них – это организация адвокатуры. Опираясь на конкретный опыт, накопленный в государствах Совета Европы, зарубежные ораторы отмечали фундаментальное значение принципа независимости адвокатов от государственных структур.

Были рассмотрены особенности участия адвокатов в уголовном процессе. Зарубежные докладчики провели анализ, насколько национальное законодательство ряда стран соответствует принципам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Речь шла о профессиональной этике, моральных качествах адвокатов. Отмечалось значение Этического кодекса Совета коллегий адвокатов Европейского Сообщества. Принципы и требования этого документа сравнивались, сопоставлялись с соответствующими национальными кодексами.

Участие в конференции представительной делегации Совета Европы можно рассматривать как факт доверия зарубежной юридической общественности преобразованиям в России, как еще одно доказательство важности

проводимых в нашей стране демократических реформ.

На конференции выступили заместитель директора Института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации профессор **А. Байков**, президент Международного союза (содружества) адвокатов **Г. Воскресенский**, председатель Московской городской коллегии адвокатов **Г. Резник**, профессор **Н. Кобец**, председатель президиума коллегии адвокатов Республики Башкортостан **Ш. Махмутов**, президент Ассоциации адвокатов России **А. Малаев**, председатель президиума межтерриториальной коллегии адвокатов «Межрегион» **С. Юрьев**, первый вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов **М. Гофштейн**, заместитель начальника управления администрации Президента Российской Федерации по обеспечению деятельности совета при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования правосудия **Л. Иванов**.

Выступающие отмечали большое значение самого факта проведения этой конференции на российском правовом поле с участием представителей Совета Европы в период, когда защита прав и свобод граждан становится ведущим направлением нашей государственной политики. Вместе с тем, как отмечалось на конференции, некоторые чиновники от правоохраны и правосудия сознательно ведут дело к разбалансированию, даже разваливанию российской адвокатуры – существующей и, несмотря на все катаклизмы нашего бытия, действующей системы правовой защиты.

На конференции были рассмотрены различные формы правовой защиты адвокатов, в том числе страхование профессиональной деятельности, риска профессиональной ответственности. Много внимания уделялось проблемам региональной адвокатуры, ее взаимоотношений с местными властями, правоохранительными органами, судами.

С заключительным словом на конференции выступил президент Гильдии российских адвокатов **Г. Мирзоев**, который поблагодарил всех присутствующих за активное участие в обсуждении важнейших проблем, концепции совершенствования российской адвокатуры. Он отметил, что шаг за шагом, пусть и не так быстро, как хотелось бы, но вырабатываются общие принципы, подходы к объединению, созданию профессионального сообщества адвокатов России. В нынешних сложнейших экономических, социально-политических условиях выжить можно только сообща, всем вместе. На пути к цели – созданию единого органа самоуправления адвокатуры – необходимо устранить все противоречия, разногласия, добиться до каждого адвоката.

По итогам работы международной конференции «Статус адвоката в демократическом обществе» принята резолюция.

Гости о конференции

Сергей АЛМАЗОВ, директор Федеральной службы налоговой полиции

– Эта конференция интересна и важна прежде всего тем, что позволила поставить и обсудить на столь высоком научно-практическом уровне актуальнейшие вопросы. Коль мы ведем речь о создании правового государства, следует четко очертить права и обязанности граждан, выработать принципы их юридической защиты, определить место адвокатуры и адвоката в системе правовых отношений. Конференция, на мой взгляд, поможет понять, как это сделать лучше, в каком направлении, с учетом международного опыта, должно развиваться профессиональное сообщество адвокатов.

Натали ВАВРЖНЬЯК, представитель юридического департамента Совета Европы

– Я не первый раз встречаюсь и работаю вместе с российскими адвокатами на научно-практических конференциях, посвященных важнейшим правовым вопросам. Имела возможность убедиться, что адвокатуры в странах Западной Европы и России развиваются в едином направлении.

В рамках Совета Европы разработаны рекомендации, как обеспечить независимость адвокатуры от государства, как защитить адвокатов, чтобы они не стали объектом насилия и угроз, оградить от прямого и косвенного вмешательства в их деятельность со стороны кого бы то ни было. Эти предложения охватывают важнейшие вопросы работы адвокатов. И я удовлетворена, что конференция поддержала рекомендации Совета Европы.

Ульрих ХАНСЕН, адвокат, Германия

– С трибуны конференции я услышал, что адвокаты России большую часть юридической помощи оказывают бесплатно. Доступ к правосудию граждан, независимо от их материального положения, – одна из основных характеристик любого демократического государства. Есть одно препятствие для осуществления этого принципа – дороговизна правовых услуг, в частности судебных расходов, нехватка денежных средств у населения. Комитет министров Совета Европы высказался за то, чтобы государство брало на себя расходы по оплате юридической помощи в отношении материально не защищенных граждан.

Значительным событием правовой жизни нашего общества вслед за принятием Конституции РФ, появлением конституционного и арбитражного судопроизводства, суда присяжных стало недавнее назначение Госдумой России Уполномоченного по правам человека. Как известно, этой чести удостоен доктор юридических наук, профессор Олег МИРОНОВ. В только что предоставленном ему кабинете в здании на Мясницкой, 47 побывал корреспондент «Российского адвоката».

Фото: Русланова Р.З.А.Н.О.В.А.

Уполномочен выслушать и решить

– С новосельем вас, Олег Орестович! Видимо, сейчас вам приходится решать в основном оргвопросы и о работе по существу говорить еще рано?

– Нет, не рано, в самый раз. Хотя организационная сторона дела действительно отнимает много сил и времени. Ведь новая система защиты прав граждан формируется с нуля. Даже штат еще не укомплектован: из 250 сотрудников пока работают 15. Только-только налаживаются связи с властными структурами, вырабатывается регламент нашей работы. Тем не менее на имя Уполномоченного уже хлынул поток писем, и времени на раскочку у меня просто нет. Уже к концу года я должен представить Президенту, Федеральному собранию первый доклад о состоянии дел с соблюдением прав граждан в стране, причем не только констатировать факты, но и внести соответствующие предложения. А это, как вы понимаете, – работа для целого института.

– Но лично для вас поставленные задачи, надо думать, достаточно ясны? За плечами, как я знаю, многие годы исследований как раз в области конституционного права, то есть в области отношений государства и личности.

– К нынешней должности я, понятно, себя не готовил. Однако каждый юрист, по-моему, должен быть защитником правды, справедливости. А конституционное право (раньше мы называли его государственным) действительно позволяет проникнуть в проблему, причем взглянуть на нее с особой всеохватывающей точки зрения. Помню, как еще в далекие времена мы на кафедре Саратовского юридического института высказывались за реализацию принципа разделения властей, о желательности прямого действия норм Конституции, необходимости специфического контроля за их соблюдением (хотя бы со стороны комиссии Верховного Совета СССР), по другим «крамольным» в ту пору вопросам. А в монографии к докторской диссертации (1982 год!) я даже отважился квалифицировать «особые совещания» при наркомвах внутренних дел как неконституционные органы, за что выслушал немало упреков... Надо сказать, что

наша страна всегда была богата на квалифицированных юристов. Другое дело, что власти редко к ним прислушивались.

– Должность Уполномоченного по правам человека – из тех, что обозначены непосредственно в Конституции РФ. А по своему предназначению она и вовсе единственная на всю державу. Как персонафицированный символ людских надежд на справедливость. И тем, кто хотел бы доверить вам, Олег Орестович, свою судьбу, наверное, важно узнать больше о вас, о вашей личной судьбе.

– Родился почти шестьдесят лет назад в Пятигорске. Отец – инженер-механик, многие годы работал директором МТС, затем совхоза. А мама одно время работала в газете. Юстицией в семье и не пахло. Брат стал врачом-стоматологом, я собирался на филологический. Правда, была у нас близкая знакомая – умнейшая женщина, зампрокурора Ставропольского края. Скорее всего, это она заронила в мою душу зерно, которое впоследствии проросло на ниве юриспруденции.

– А сами несправедливость никогда не испытали?

– Пожалуй, нет. Не прошел по конкурсу на филфак – какая же это несправедливость? Несправедливо было бы, если бы я, менее подготовленный, занял тогда чужое место. Что ж, поработал токарем у отца в совхозе. Потом увлекся горным туризмом, вырос до мастера спорта. Потом юридический институт в Саратове. По окончании – следователь в Пятигорске, Железноводске. Снова Саратовский институт – аспирант, преподаватель, доцент, профессор... Вот у отца, еще в 1937-м, были неприятности: его арестовали, пытались обвинить во вредительстве, правда, вскоре освободили. И с тещей моей нехорошо обошлось: как жену калмыка выслали вместе со всей семьей на Алтай. И это тогда, когда ее муж-калмык защищал Родину на фронте!

Словом, моя судьба такая же, как у большинства наших граждан. Без лишних восторгов и без особой злобы на прошлое. Но я думаю, что личные эмоции как раз и не нужны для беспристрастного разрешения чужих конфликтов. Хотя многим кажется, что только страдалец способен сопереживать их горю. Это не

так. Потому что справедливость покоится не только на сочувствии, но и на трезвом учете всех обстоятельств дела.

– Мне кажется, вам уготована совершенно неподъемная ноша. Как вы собираетесь рассматривать тысячи, сотни тысяч жалоб, которые наверняка хлынут в адрес Уполномоченного по правам человека?

– Уже хлынули. На сегодняшний день зарегистрировано более пяти тысяч обращений, а обработали мы лишь десятую часть. Но катастрофы не будет. Конечно, штат у нас невелик: почти такой, как в Польше, где населения всего 38 миллионов человек. Но ведь уже в ряде субъектов Российской Федерации есть свои уполномоченные по правам: в Башкортостане, Астраханской, Свердловской областях, скоро появится в Саратовской области... Это, конечно, снизит нагрузку на центр. Но дело даже не в этом. Надо понимать специфику работы Уполномоченного. Он действует не сам по себе, а дополняет существующую систему защиты прав граждан: суды, прокуратуру, законодательную и исполнительную власть, адвокатуру, правозащитные организации. Формально (по букве закона) мы не должны рассматривать конфликты, в которых не поставлена окончательная точка по существующей процедуре. Скажем, человека уволили с работы, но суд еще не оценил законность этого решения. Хотя, конечно, если люди оказываются в безвыходном положении, мы вмешиваемся незамедлительно.

Не так давно пришла письмо с Северного Кавказа. О том, что майор-автоинспектор проявил самоуправство: остановил машину, выволок водителя и избил его. Только что пришел ответ из Главного управления Генпрокуратуры на Северном Кавказе: майор осужден к трем годам лишения свободы, в возмещение морального ущерба с него взыскано 20 тысяч рублей.

И все-таки мы не «бюро жалоб». Главное в работе Уполномоченного, как я понимаю, это не латать бесчисленные прорехи в нашем правоприменении, а устранять причины и условия, способствующие нарушениям прав человека и гражданина. И тут, к слову, у нас опять-таки непечальный край работы. Допустим, невыплаты зарплат. У меня десятки судебных решений по искам обездоленных, но ни одно из них не выполнено. Значит, нужны специальные правовые механизмы реализации таких решений, а еще лучше – механизмы финансового обеспечения заказанных работ, в том числе госзаказа. Тут могут быть использованы и нормы гражданского законодательства, и какие-то новые из административного права.

А проблема содержания осужденных?! Ясно, что существующая система исполнения наказаний обрекает людей на дополнительные, не предусмотренные законом испытания. Они приговорены к лишению свободы, а не могут нормально питаться, работать, отдыхать, даже рискуют здоровьем – сколько у нас сейчас в зонах туберкулезников! Та же картина в следственных изоляторах, где еще и не осужденные вовсе, а лишь подозреваемые в совершении преступлений. Разумеется, и этой проблеме будет посвящен специальный раздел моего ежегодного доклада. А чтобы предложить нечто реальное для изменения ситуации, я уже участвовал в работе коллегии Генпрокуратуры, познакомился с планами Минюста России, куда теперь вошли соответствующие учреждения. Из наиболее очевидных мер – освобождение изоляторов и колоний от менее опасных лиц, создание новых тюрем и поселений, в том числе на месте военных городков, откуда уходят войска.

– Ловлю себя на мысли, что ваши заботы часто один к одному совпадают с заботами адвокатского сообщества. Адвокаты также бьют тревогу по поводу перенаселенности следственных изоляторов, в связи с нарушениями прав подсудимых, да и права самих адвокатов сегодня ущемляются особенно часто: незаконные задержания, обыски... В решении всех этих проблем они, выходит, могли бы опереться и на вашу поддержку?

– Безусловно. Я бы даже поставил вопрос иначе: мне бы хотелось опереться на поддержку адвокатского сообщества. Ад-

вокатура – важнейшая часть правозащитной системы. Причем если государственные органы так или иначе бывают скованы необходимостью защищать так называемые «государственные интересы» (кое-кто склонен противопоставлять их интересам личности), а правозащитные организации обычно ищут юридическую поддержку у тех же адвокатов, то адвокатура выступает как самостоятельная структура – и в смысле занимаемой позиции, и по обеспеченности правовыми инструментами.

Вот только каким должен быть механизм нашего взаимодействия? На мой взгляд, не иждивенческим, а конструктивным. Обидно, когда вслед за юридически неподготовленным гражданином иной адвокат обращается к Уполномоченному за помощью в еще незавершенном деле. Повторю: для разрешения любого конфликта есть своя процедура, и пока она не реализована, вмешательство Уполномоченного маловероятно. Да порой мы просто не успеваем оперативно повлиять на ситуацию.

Убежден, наши совместные усилия опять-таки должны быть прежде всего направлены на устранение причин и условий нарушения прав человека. Располагая обилием фактов, коллегии адвокатов, их президиумы могли бы представлять уже готовые абзацы для докладов Уполномоченного высшим органам власти. В связи с теми же нарушениями прав подзащитных или нарушениями прав самих адвокатов. Сопровождая анализ ситуации конкретными предложениями по изменению законодательства или правоприменительной практики. К тому же имейте в виду: ежегодный доклад отнюдь не единственная форма реагирования Уполномоченного на полученную информацию. Мы вправе поставить вопрос на рассмотрение любого органа власти, вплоть до Конституционного суда России, добиться парламентских слушаний или провести собственное расследование. Согласитесь, все это куда более эффективная поддержка адвокатского сообщества, реальный путь решения возникающих проблем, еще один способ повысить авторитет адвокатской профессии в обществе и государстве. К слову, у меня уже состоялась встреча с руководителями крупнейших адвокатских объединений, и, мне кажется, мы быстро нашли общий язык.

– Как бывший следователь вы, должно быть, хорошо представляете суть адвокатской деятельности?

– Конечно. До сих пор вспоминаю, как взаимодействовал при расследовании дел с известным в Пятигорске адвокатом Борисом Моисеевичем Санкиным. Своим постоянным «надзором» он оберегал меня, молодого следователя, от многих «проколов». Но как для следователя важно не забывать о соблюдении прав подозреваемого, обвиняемого, так и для защитника недопустимо игнорировать право и обязанность следствия установить истину, собрать необходимые доказательства по делу. Иначе адвокат выходит за рамки профессии, вольно или невольно становится на защиту преступления.

– И что же, Олег Орестович, сейчас в ваших ближайших планах?

– Сформировать аппарат Уполномоченного, выработать стиль, технологию нашей работы, критерии реагирования на тот или иной сигнал. Нужно срочно подобрать и утвердить состав экспертного совета. В него войдут наиболее авторитетные ученые и практики-юристы, в том числе, надеюсь, из числа адвокатов. Исходя из анализа уже поступивших писем создаем отделы по отраслям права – уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному... Полагаю, что надо активно перенимать опыт зарубежных коллег (в Швеции, скажем, этот институт существует с начала прошлого века!). Я уже побывал на встречах омбудсменов в Страсбурге – с докладом о социальной защите граждан и на Мальте, где рассматривались проблемы пенитенциарной системы. Но все мысли, повторю, обращены сейчас к подготовке моего первого доклада о состоянии правозащитной деятельности в стране. Надеюсь, что и адвокатское сообщество внесет свою лепту в его подготовку, а затем и реализацию.

Беседу провел спец.к.к. «Российского адвоката»
Игорь ВАШКЕВИЧ

Фото: Гудымча Рязанцова

Александр ЛАРИН, главный научный сотрудник сектора проблем правосудия Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

К вопросу о

Знакомые, а чаще малознакомые, обращаются ко мне за советом по разнообразным юридическим вопросам: об основаниях и порядке исчисления пенсий, о защите прав потребителя, о правомерности создания и функционирования партийных организаций... Увы, кому-то из-за неосведомленности отказываю, вызывая недоумение, а то и упреки в нежелании помочь. Дескать, как же так: доктор юридических наук и не знает? Наверное, не хочет помочь. И приходится объяснять, что подобно медицине юриспруденция объединяет разные специальности, и если, к примеру, врач-онколог и врач-диетолог не могут заменить друг друга, то и мне, специалисту по уголовному процессу и криминалистике, тоже позволительно не знать тонкости пенсионного, торгового, административного и многих других отраслей права.

В намерении и впредь воздерживаться от советов по вопросам, выходящим за пределы моей компетенции, меня укрепил недавний случай с коллегой по нашему институту доктором юридических наук, профессором А. Яковлевым. Известнейший специалист в области криминологии и социологии уголовного права, он неожиданно дебютировал в еще одной отрасли юридической науки – в теории судебных доказательств: по просьбе редакции «Российского адвоката» прокомментировал в № 5 журнала за 1998 год письмо молодого адвоката А. Ермакова. И, как выяснилось, неудачно.

В письме выражалась озабоченность распространенной практикой дознавателей и следователей, которые уклоняются от возбуждения уголовных дел по сообщениям о преступлении и вместо расследования производят «проверку сигналов». При этом следственные действия подменяются суррогатами: допросы – «опросами», осмотры и обыски – «досмотрами», экспертиза – «предваритель-

ным исследованием доказательств». Что ж, проблема известная. Она возникла не вчера и не на пустом месте. Многие годы показатель «прекращаемости» уголовных дел служил и служит критерием оценки оперативной и следственной работы МВД. Это ориентирует оперативных работников и следователей на возбуждение преимущественно «верных» дел, имеющих ясную судебную перспективу. Для выяснения этой перспективы как раз и проводятся непроцессуальные «проверки». В результате многие преступления, для раскрытия которых необходимы высокоэффективные, изощренные действия, остаются незарегистрированными, как бы несуществующими, зато снижается «прекращаемость» дел.

14 июня 1994 года Президент РФ подписал подготовленный в МВД указ №1226 «О неотложных мерах по

защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности». Наряду с другими положениями, ставящими под угрозу права личности, указ устанавливал: «До возбуждения уголовного дела могут быть проведены экспертизы, результаты которых рассматриваются в качестве доказательств по уголовным делам». В борьбе с преступностью указ не помог, но вызвал возражения отечественной и зарубежной юридической общественности как несоответствующий общепризнанным принципам и стандартам защиты прав человека и гражданина. Одним из условий приема России в Европейский союз был выдвинут пересмотр ряда нормативных актов, включая указ №1226. Ровно через три года после его издания, 14 июня 1997 года, Президент объявил этот указ утратившим силу.

Адвокат Ермаков привлекает внимание читателей к особому аспекту проблемы. Он пишет, что в случае возбуждения уголовного дела материалы «опросов» и «досмотров» и т.п., произведенных до возбуждения уголовного дела, нередко трактуются как доказательства, и судьи основывают на них обвинительные приговоры. Но это адвокат считает неверным и полагает, что материалы такого рода в качестве доказательств недопустимы.

Высказанный в мягких, снисходительных тонах комментарий проф. А. Яковлева представляет по сути опровержение этого письма. Точку зрения А. Ермакова он квалифицирует как «сугубо формальный подход» и «адвокатский максимализм». Мне же представляется, что в этой коллизии взглядов правда все-таки на стороне молодого адвоката, а не маститого комментатора.

Ермаков опирается на нормы уголовно-процессуального закона, который запрещает производить какие-либо следственные действия (кроме осмотра места про-

исшествия) до возбуждения уголовного дела, а право следователя самому производить следственные действия, поручать следственные и розыскные действия органу дознания, выносить властные постановления обуславливает принятием к производству дела, которое уже возбуждено (ч.1 ст.70, ч.2 ст.109, ч.1 ст.119, ч.4 и 5 УПК РСФСР). Из этого непреложно следует вывод автора письма о незаконности собирания доказательств до возбуждения дела.

А вот контрдоводы его оппонента лишены анализа процессуального закона и в основном умозрительны. Так, Александр Максимович видит смысл возбуждения уголовного дела только в том, «чтобы поставить дознание, следствие под контроль прокурора». Но с этим нельзя согласиться уже потому, что дело может возбудить и сам про-

рассматривать не по формальному признаку – когда они добыты (до или после определенного момента), а с точки зрения, были ли при этом нарушены конституционные права граждан или нет. Человека пригласили для взятия объяснения или доставили силой для незаконного (до возбуждения уголовного дела) допроса? Изъятие наркотиков, оружия произведено в присутствии понятых или как-то иначе?».

Это суждение, увы, внутренне противоречиво. Ибо гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве неотделимы от формальностей, от процессуальных форм. И отступление от этих форм, пренебрежение ими порождают правонарушения. Так, замена формального допроса его суррогатом – опросом, получением объяснений в ходе «предварительной проверки» приводит к

профессионализме

курор, который за собой, конечно, не надзирает. Значение возбуждения уголовного дела значительно шире. Это акт государственной власти, который констатирует наличие признаков преступления, порождает обязанность органа дознания, следователя или прокурора принять дело к производству, обеспечить судебную защиту потерпевшего, уличить преступника, реабилитировать ошибочно заподозренного. При этом прокурор, следователь, орган дознания обретают правомочия производить следственные действия, сопряженные с мерами процессуального принуждения, ограничивающими права и свободы личности. Возбуждение уголовного дела лишь при наличии к тому законного повода и оснований, запрет производить следственные действия до возбуждения уголовного дела являют, таким образом, собой важные гарантии против произвольного ограничения этих прав и свобод. Исключение – допустимость до возбуждения уголовного дела неотложного осмотра места происшествия – не колеблет, а, напротив, подтверждает это правило, поскольку объясняется крайней необходимостью и, главное, обычно не сопряжено с вторжением в область прав и свобод личности.

Возможность обеспечить изобличение преступника, не затрагивая ни его права, ни права других лиц, проф. А. Яковлев видит в том, чтобы вместо прокурорского надзора установить судебный надзор за расследованием, как это делается, например, в США. Но это – подмена тезиса. Ведь профессор взялся комментировать письмо А. Ермакова о решении проблемы в рамках российского, а не какого-либо еще судопроизводства. «Ты не в Чикаго, моя дорогая!», как сказал мистер Твистер.

Впрочем, центральное место в комментарии занимает суждение, будто «все собранные по делу факты надо

тому, что заподозренному (или его родственнику, возможному свидетелю) не разъясняют право не отвечать на уличающие вопросы, знакомиться с записью своих показаний, иметь защитника и др. Подобные отступления от законной процедуры несомненно угрожают правам и свободам личности. В тех же США оружие, наркотики будут признаны недопустимыми в качестве доказательств «по формальному признаку» – если момент их изъятия предшествовал выдаче судебного приказа на обыск, хотя бы при обыске присутствовала целая дюжина понятых. Выработанные американской судебной практикой правила «Миранда», «Эскобедо» связывают недопустимость доказательств исключительно с нарушением процессуальных форм.

Для решения в российском судопроизводстве вопроса, поднятого адвокатом Александром Ермаковым, исходной юридической базой служит принцип: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» (часть 2 ст.50 Конституции РФ). Конкретизируя этот принцип применительно к уголовным делам, часть 3 ст. 69 УПК РСФСР устанавливает: «Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания обстоятельств, перечисленных в статье 68 настоящего Кодекса». Таким образом, закон не оставляет места для выбора между формальным и иными подходами к оценке материалов «предварительной проверки». При любом подходе суд должен отказывать в признании этих суррогатов доказательствами. Содействие такой оценке – служебный долг прокурора и профессиональная обязанность адвоката-защитника.

на ПРАВО

ПЕРЕСМОТР

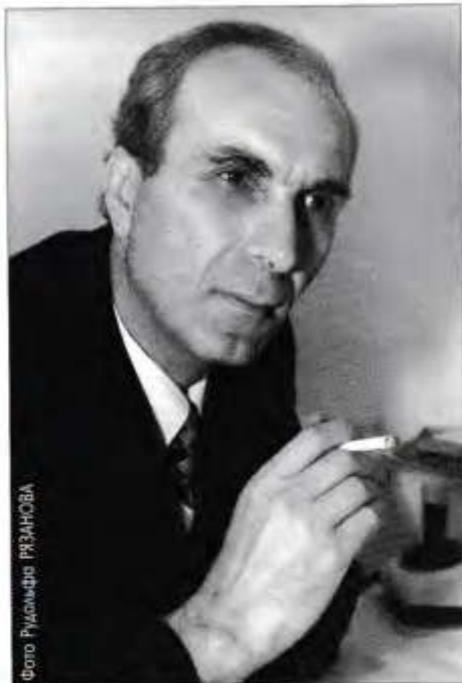

Фото: Рудольфа ГИЗАНОВА

Симон ЦАТУРЯН,
член коллегии адвокатов
«Московский юридический центр»

Известие о пересмотре приговора моему подзащитному Григорию М. наделало переполоха. Все, кто на протяжении почти двух лет добивался этого решения, радовались как дети.

А что, собственно, произошло? Воплотилась в жизнь конституционная норма, устанавливающая статьей 50 право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом. Суд же пошел на поводу у недобросовестного следствия, предвзятого обвинения и элементарно ошибся, приговорив М. к четырем годам лишения свободы. Ну не было в той автомобильной аварии со смертельным исходом его вины.

Пешеход, находясь в нетрезвом состоянии (по заключению химического исследования – сильная степень опьянения), неожиданно выскочил на дорогу вне перехода и был сбит машиной. Первая автотехническая экспертиза, опираясь на неточные исходные данные, признала действия водителя не соответствующими Правилам дорожного движения (ПДД), а последующие две, в том числе

дополнительная и повторная, нашли, что вменение ему нарушений правил носит декларативный характер и не находится в причинной связи с дорожно-транспортным происшествием.

Однако у следствия была иная позиция: есть жертва, потерпевший – значит, должен быть и виновный. Но жертва жертве рознь. Прокуратура упорно отстаивала свою точку зрения, суд поддержал ее. Доказательства по делу рассматривались избирательно: брали то, что работало на усугубление вины подсудимого, опускали данные, оправдывающие его. И хотя были все основания для вынесения оправдательного приговора, суд принял иное решение. Почему, в принципе ясно: судьи не хотят связываться с милицией, прокуратурой, зачастую их интересы по разным причинам просто совпадают.

И так по всей цепочке нашего правосудия. Среди адвокатов не случайно бытует мнение, что надежд на пересмотр приговора в городском суде или в кассационной инстанции мало даже при наличии веских оснований. Потому что отмена приговора, возвращение на

новое рассмотрение воспринимаются как пятно на чести прокурорского мундира, судейской мантии, нарушение одного из принципов нашего правосудия – стабильности приговоров.

Но стабильность не может означать незыблемость беззакония. А именно так нередко и бывает. Ведь даже при нарушении процессуальных норм в суде приговоры остаются в силе, несмотря на все старания защиты. Особенно трудно что-то сделать в период, который мы между собой называем вакуумным, когда приговор вынесен, но как бы еще не набрал силу, находится в некоем «подвешенном» состоянии. В принципе это стадия судебного контроля, когда своего рода ревизии должен подвергаться сам судебный акт. Чьей вот только ревизии? Механизма внутрисудебного контроля у нас нет. Прокурор, заинтересованный в вынесении именно такого приговора, опротестовывать его, естественно, не будет.

Остаемся мы – подсудимый, его защитник и законный представитель. Статьи 325, 326 УПК РСФСР определяют правовой режим реализации прав сторон, порядок судебной проверки законности и обоснованности приговора в кассационной инстанции. Конституция и закон **устанавливают право**, а мы говорим – осужденный **может добиться** пересмотра приговора. Почему – добиться? Коль уж существует конституционная норма, она должна стать нормой практического правоприменения.

Имеет право... Значит, между провозглашением этого права и его осуществлением короткая дистанция. Если бы... На деле право и реализация его у нас нередко уподобляются параллельно бегущим дорогам. Пересекутся они – повезло человеку, нет – и суда на то нет. Адвокатская практика, к сожалению, знает не так уж и много случаев удовлетворения надзорных жалоб.

И все же грех не воспользоваться и такой призрачной возможностью... Когда я предложил М. обжаловать приговор, он дал согласие, но через пару дней категорически отказался. В чем дело? Выяснилось, что после пережитого он потерял всякую надежду на благоприятный исход своего дела.

Видно было, что крепкий, под два метра ростом мужчина дрогнул. И ничего в этом нет постыдного, если уже

имеешь представление об условиях жизни и нравах в учреждениях нашей пенитенциарной системы. После годичного пребывания в СИЗО, унижительной процедуры следствия, суда Григорий утратил всякую веру в справедливость, закон, свои возможности противостоять произволу. Единственное, что его занимало теперь, — не было бы хуже...

С большим трудом удалось уговорить его начать борьбу за пересмотр приговора. Мы обратились с жалобой в Московской городской суд. Долго сказка сказывалась, еще дольше дело делалось. Месяца через два получили ответ — отказ. Причем его мотивация до запятой повторяла отдельные положения приговора суда, основанного, в свою очередь, на обвинительном заключении. Это, кстати, характерная деталь в движении адвоката по многоступенчатой лестнице заявлений, жалоб, прошений: более высокая судебная инстанция редко снисходит до серьезной проверки сути обращений, удовлетворяясь аргументацией коллег низшего ранга.

Между тем обоснованное сомнение в правомерности уголовного наказания призвано не просто привлекать внимание к себе, а побуждать к действиям для установления истины. На мой взгляд, такую естественную для нормального человека реакцию должно вызывать вообще любое сомнение. Сколько людских судеб сломано, растоптано по вине недобросовестных следователей, «кровожадных» обвинителей, ошибающихся судей, о чем не просто говорят — кричат адвокаты.

Жаль, что у нас нет предусмотренной законом возможности **все дела** пропускать через сито судебного контроля, своевременно выявлять нарушения, допущенные при их рассмотрении, и исправлять правоприменительные огрехи. Скажем так: суд принял решение, его просматривает на «правовой просвет» соответствующая инстанция и лишь потом приговор или вступает в силу, или пересматривается.

Причем здесь «соответствующая инстанция», скажете, если закон возлагает на прокуратуру обязанность опротестовывать каждый незаконный или необоснованный приговор? А притом, что пока право у нас существует как бы само по себе, в своего рода лозунговой нормотворческой оболочке. Стоит избавиться от нее, и право сразу растекается по извилистым отсекам и отсекам ведомственных подзаконных актов, часто весьма далеких от сути основного закона. Получается, что прокурор сначала выступает в судебном процессе в роли обвинителя, фактичес-

ки «подсказывает» приговор, потом он же «инспектирует»... себя самого? При таких, поистине форс-мажорных обстоятельствах, когда у прокурора нет иных вариантов, кроме самозащиты, и возникают прорехи в системе правосудия, через которые в фазу исполнения проникают необоснованные и незаконные приговоры.

Прокуратура же по сути своей не может быть заинтересованной ни в чем, кроме одного — святого соблюдения законности. Судьи не могут не знать основополагающего принципа собственной самооценки, выраженной древнеримским философом Сенекой: осуждение невинного — осуждение самих судей. Над следователем постоянно должен висеть дамоклов меч ответственности за превышение полномочий, нарушение прав человека, угрозы, насилие. Это необходимо, если мы хотим иметь правовое государство. Но это и едва ли исполнимо на данном этапе, ибо предполагает качественно новую правоприменительную систему, в которой законные интересы и права человека превалят над пресловутыми и расплывчатыми государственными интересами, а малейшие сомнения в достоверности аргументов следствия, обвинения должны трактоваться в пользу обвиняемого или подсудимого.

Наша же, едва ли не «конвейерная линия» правопользования копирует нормальную систему с точностью до наоборот, низводя принцип презумпции невинности до своей противоположности.

Почти два года бились мы за пересмотр приговора Григорию М. Раз за разом с упорством одержимого проходили одну и ту же дистанцию. Стараясь не нарушать закона, снова и снова встречались с очевидцами аварии, независимыми экспертами, замученными другими проблемами следователями. Фактически, конечно, вели как бы свое дополнительное расследование. И слава Богу, что занимались этим. В конце концов удалось обратить внимание Верховного суда на явные провалы, искажение исходных данных, стремление следствия всячески ограничить влияние адвоката на ход расследования. Наконец-то была дана оценка и поверхностному подходу к делу обвинения, формально-обвинительной позиции суда.

Результат приятен и тем, что на таком высоком уровне признавался сам факт: наши суды весьма редко отваживаются выносить оправдательные приговоры даже при наличии достаточных оснований. Для «сохранения лица» органов предварительного следствия и прокуратуры они, по основаниям ст. 20 УПК РСФСР, охотнее возвращают дела на

дополнительное расследование. Отсюда и великое множество неразрешенных дел, которые по разным причинам бесконечно откладываются, переносятся, «гуляют» из суда в следствие и обратно. На месяцы, а то и годы откладывается принятие решений, а вместе с тем и реализация права осужденного на пересмотр приговора. Полбеда, если подсудимый по делу находится на свободе. Те же, в отношении кого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, все это время практически отбывают наказание, хотя виновность их еще не установлена судом.

Можно говорить и говорить о загруженности судов делами, слабой организации судебных заседаний. Все так, но проблема кроется, на мой взгляд, еще и в отсутствии установленного законом предельного срока разрешения уголовных дел в судах. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, жестко регулируя сроки предварительного расследования и сроки содержания под стражей, ослабляет правовую «хватку» на стадии судопроизводства. И начинается бесконечное временное пространство, не подвластное никому, где вольготно живет лишь Волоките, но худо Закону. А надо бы, как говорил Публий Сир, жить по принципу: «Там, где закон в силе, там и закон силен».

Закон пишут грамотные люди. Хорошо, красиво пишут. Но я никак не могу избавиться от ощущения, что над нашим законодательством как бы нависает тень традиционности далеко не в лучшем смысле этого слова. Такое впечатление, что наши законодатели не могут или не хотят понять: прежние схемы, принципы, методики законотворчества и правоприменения сегодня совершенно непригодны, иные политические, экономические, правовые, общественные отношения требуют не только новых законов, но и новых механизмов их исполнения.

Демократизация общества, декларация прав и свобод личности не могут долго существовать только в виде красивых призывов, лозунгов, громких постановлений. Они непременно должны подкрепляться мерами практического характера, конкретными актами правоприменения.

Что такое пусть и прекрасно исполненные, но взятые по отдельности детали автомобиля? В лучшем случае запчасти — до тех пор, пока они не соединены в единый, синхронно работающий агрегат. Точно так и свод законов. Пока он не оснащен правовым механизмом реализации, вряд ли имеет смысл говорить о его действенности, работоспособности.

Фото: Екатерина РЫЖАНОВА

ВЫПРАВЛЕННЫЕ СУДЬБЫ

В конце 60-х читающая публика Страны Советов оказалась свидетелем необычной по тем временам дискуссии. «Литературная газета» и «Правда» по-разному судили о трагедии, случившейся в одной из московских школ. Да и было о чем спорить: то ли озлобленный девятиклассник воистину беспричинно убил старшего товарища, то ли у парнишки просто не оставалось выбора в способах отпора хулигану. Семнадцать метров пятился он в узком пространстве, крича более крепкому сопернику: «Не подходи! У меня нож!...». «Литературка» отстаивала именно эту версию, поддержала адвоката, говорившего о факте необходимой обороны, и критиковала суд, отправивший подростка в колонию для несовершеннолетних. Официальная «Правда» возмущалась безнадзорностью в школе, требовала карать нарушителей порядка и считала приговор правильным.

В споре, понятно, тогда победил тот, у кого «больше прав». Обществу объяснили, что защищать свою честь надо с оглядкой. Тонкости мальчишеской психологии объявили «адвокатскими штучками». Жизнь между тем расставила свои оценки. Оказавшись в колонии, подросток остался честным и чистым в помыслах, каким и был. Единственный за все времена окончил здесь школу с золотой медалью. После освобождения поступил в институт, стал работать, у него прекрасная семья. Иногда он приезжает на могилу своего обидчика. Искренне сожалеет о том, что случилось, но по-прежнему уверен, что в тот страшный миг у него не было другого выхода.

Да, жизнь, конечно, мудрый учитель. Но было и вполне конкретное обстоятельство, сыгравшее в судьбе осужденного школьника благотворную роль. В суде его защищала адвокат Светлана Бунина, вдумчивая и сердечная женщина, к тому же имеющая своим правилом не оставлять подзащит-

ных и после вынесения приговора. Она постоянно ездила к Саше в колонию (благо, это недалеко от Москвы), возила ему учебники, уверяла, что жизнь отнюдь не потеряна, привлекла на свою сторону и надзирателей, и самого начальника колонии. И все закончилось так, как мы уже знаем.

Молчаливым свидетельством тех событий по сей день стоит в квартире Светланы Михайловны незамысловатый подсвечник: металлическая девица в сарафане и кокошнике. По металлу надпись: «С. М. Буниной – Человеку». 12.VI.1970. А. И. А». 12 июня – это день, когда в квартиру приходят друзья, в том числе из тех, кому здесь помогли так же, как Саше. А вот инициалы А. И. А. не Сашины, хотя и имеют к его истории прямое отношение. А. И. А. – это Алеша, в дни памятного суда водитель продуктового автофургона. Адвокат Бунина опаздывала на процесс, и Алеша подвез ее к зданию суда. Из любопытства сам зашел туда и потом приходил уже до самого конца. Заразившись настойчивостью и благородством своей знакомой, тоже решил стать юристом (с семью-то классами!) и... стал им. Сейчас он следователь ФСБ. Он-то и подарил подсвечник с символической надписью.

То, что вот уже десятки лет адвокат Бунина делала и делает для своих подопечных, конечно же, выходит далеко за рамки ее профессиональных обязанностей. Но не может удивительная женщина не задумываться о будущем этих лю-

дей, считает, что каждый из них способен избавиться от подлинных и мнимых пороков, и старается сделать этот процесс по возможности быстрым и необратимым.

Однажды ей довелось защищать в суде парня, обвиненного в разбое. Суд определил достаточно суровый приговор – пять лет. Подготовив кассационную жалобу, Светлана Михайловна привезла вместе с ней в СИЗО... программу для подготовки своего подзащитного в мединститут и учебник анатомии. Дело в том, что до совершения преступления юноша успешно окончил школу, мечтал стать врачом. В беседах с ним выяснилось, что мечта не угасла, лишь приглушена печальными обстоятельствами. Адвокату удалось разбудить ее, уверить подзащитного в возможности начать жизнь заново. Они даже план его работы составили – на все полторы тысячи дней, что предстояло провести в заключении... И ведь все удалось осуществить! Отбыв срок, который к тому же был сокращен за примерное поведение, молодой человек овладел-таки любимой профессией, заслужил признание окружающих. Суд, зона остались далекими, полузабытыми эпизодами его жизни.

Подобных историй, выправленных судеб в памяти моей собеседницы множество. Еще в те, 60-е, годы публицист Григорий Медынский насчитал их 96. Светлана Михайловна убеждена, что с вынесением приговора не может, не должна теряться связь адвоката с подзащитным. Нужно все сделать,

чтобы оступившийся человек осознал свои ошибки, преодолел инерцию падения и вернулся к семье, работе, нормальной жизни. Тем более что для активного вмешательства в его судьбу у адвоката имеются прямо-таки уникальные возможности. Как никто другой (следователь, судья, прокурор, сотрудники колоний), он вправе неограниченно долго общаться с подсудимым, подсудимым, осужденным. А с другой стороны, именно перед адвокатом человек обычно раскрывается до днышка, с ним готов предельно откровенно обсуждать как прошлое, так и будущее.

Конечно, о восстановлении личности уместно говорить лишь в случае ее слома, если преступление действительно совершено и осужден действительно виновный. В ином случае адвокат, разумеется, ведет себя иначе. Но правосудный и обоснованный приговор – это естественная, обычная цель и забота адвоката. Когда же цель достигнута, защитник вправе и должен продлить свои обязанности, распространить их за рамки судебной процедуры, попытаться защитить осужденного уже от него самого, от собственных его изъянов – безволия, алчности, злобы... Как? Заместив их позитивными качествами, подсаживая посылную цель и побудив к ее достижению. «Человек не может жить на свете, если у него ничего нет впереди радостного», – эти слова Антона Макаренко запали в душу Светланы Буниной еще в юности, а со временем стали девизом ее необычного увлечения, добровольно принятой обязанности – возвращать к полноценной жизни тех, кто однажды споткнулся.

Щедрость отзывчивого на чужую беду сердца была испытана еще в годы войны. Девятиклассницей Светлана сопровождала московских детишек в эвакуацию, затем работала в военном госпитале в Казани, а в 18 лет приняла на себя заботы о дочке своей сестры, поехавшей в ссылку за мужем – поволжским немцем. К слову, годы спустя Бунины удочерят девочку из детского дома. Но кругом оставалось еще столько неустroенных судеб! Всем хотелось помочь, и, кажется, у Светланы были для этого особые способности. Тем более что от Макаренко и Сухомлинского она почерпнула твердую уверенность в исцеляющей силе человеческого участия. Добавить бы к этой нравственной основе восстановления личности некий практический инструментарий... За ним Светлана отправилась в Московский юридический и уже со второго курса начала работать с условно осужденными.

Распределили ее, однако, в госарбитраж. Через полгода она сбежала оттуда, оставив все документы. Из-за этого даже знаменитый Лев Шейнин не смог устроить ее по специальности. Потому оказалась в секретарях у замминистра юстиции СССР Ильи Давыдовича Перлова. Он-то и нашел применение ее редкостному дарованию – адвокатуру.

Одно из первых мест работы – Никольская юрконсультация Мособлколлегии, в здании суда при кирпичном заводе. Позднее эта местность вошла в черту Москвы, и консультацию приписали к Мосгорколлегии. В том ветхом доме и произошли события, ставшие прологом всей ее подвижнической деятельности.

Она пришла к судье за разрешением на свидание с подзащитным. Но судья вел процесс, и адвокат пристроилась ждать прямо в зале судебного заседания. Судили высокого симпатичного парня за попытку ограбления кассира. Он все брал на себя, не желал выдавать несовершеннолетних соучастников: «Не хочу, чтобы они познакомились с тюрьмой». Как созвучна была эта фраза постоянным размышлениям Светланы Буниной! Когда объявили приговор (15 лет) и зал опустел, адвокат разговорилась с осужденным. Обещала при

необходимости помочь, дала адрес юрконсультации. А он адрес взял и говорит: «Теперь прощайте». И в окно.

За лобгет получил два с половиной. Единственное, что удалось тогда адвокату (защищала беглеца, конечно же, Бунина), это добиться, чтобы новый срок был поглощен предыдущим, а не приплюсован к нему. Еще бы, слишком очевидным казалось судьям дерзкое преступление, слишком вызывающе вел себя подсудимый. Отбывать срок его направили под Архангельск. Уже вскоре оттуда в дом у кирпичного завода пришло первое письмо, полное показной самоуверенности и... с просьбой о снижении срока.

Светлана Михайловна не пыталась предстать в глазах заключенного «своим человеком», написала ему, как реально видит его положение, что действительно сможет для него сделать и что при этом должен предпринять он сам. Письмо к письму, и тон переписки стал меняться. К человеку пришло понимание вины, желание искупить ее. И в какой-то день (почти через три года!) адвокат обратилась в президиум Мособлсуда с ходатайством о снижении срока. Приложив к нему характеристику из колонии и некоторые письма осужденного. Нет, она опиралась не только на эмоции и свое понимание личности осужденного, но и на те факты, что не были когда-то услышаны в Никольском нарсуде. Ведь злополучное ограбление кассира так и не состоялось: грабители не унесли ни копейки! И оружие, что было у них в руках, не применялось. А после дерзкого побега парень ведь сам сдался подоспевшему конвою.

И на этот раз голос адвоката был услышан. Срок подзащитному снизили до фактически отбытого. Человек вышел на свободу.

Но что будет с ним дальше? Хорошо зная обстановку, в которой вырос ее подопечный, Светлана Михайловна решила на первых порах поселить его в своем доме. Затем с помощью газеты «Советская Россия» выправила ему прописку, устроила на работу, помогла подготовиться в институт... Сейчас он преподает, защитил диссертацию.

Ах, как хочется моей седовласой собеседнице, чтобы ее уникальным опытом воспользовались другие адвокаты! Потому вот уже более тридцати лет активно выступает в печати, на телевидении, дарит «сюжеты» знакомым писателям и журналистам, отзывается на каждое приглашение выступить перед коллегами, иной аудиторией. В свое время ее доклад был заслушан на президиуме Московской городской коллегии адвокатов... И за эти годы, конечно, были у нее последователи. Но уж больно тонкое это дело – переиначивать трудные судьбы. А сейчас – особенно: многие проблемы упираются в финансы, а работать в этом плане со спонсорами адвокаты еще не научились. Да и преступный мир изменился, труднее стало достучаться до души осужденного.

Впрочем, саму мою собеседницу все эти трудности, кажется, не пугают. Несмотря на почтенный возраст, она не оставляет ни адвокатской практики, ни поиска тех, кто пожелал бы покончить со скитаниями по этапам. Каждый день Светланы Михайловны расписан буквально по минутам: участие в процессе, встреча с подзащитным, визит в прокуратуру, к следователю... И очередная пачка писем из зоны. На осторожное напоминание о врачах, рекомендовавших особенно не утруждаться, недоуменно вскидывает брови:

– О чем вы говорите?! У меня человек в тюрьме! Как же можно его бросить?

Игорь ВАШКЕВИЧ,
спец.корр «Российского адвоката»

ТРАГЕДИИ НАШЕГО БЫТА

Еще несколько лет назад эта семья считалась чуть ли не идеальной. Андрей М. и Людмила женились по любви, души друг в друге не чаяли. А когда родился сын, муж едва ли пылинки не сдувал.

Семейная жизнь – это, конечно, тайна за семью замками. И трудно разобраться, отчего интеллигентные, мягкие люди оказываются деспотами и злодеями. Почему за внешней благопристойностью, взаимной уважительностью («котик», «лапочка», «зайчик мой») порой вдруг открывается такое – побои, злоба, ненависть, боль, унижение.

А без ответа на эти и другие вопросы адвокату бывает трудно построить эффективную защиту клиента.

Здесь все началось с того, что Андрей лишился работы по специальности, нашел другую, с частыми разъездами. Стал выпивать. Появились «левые» деньги – его вообще понесло, трезвым домой перестал приходить. Когда Людмила попыталась вразумить его, наорал, что пьет на заработанные, а ей следует помалкивать.

Дальше – больше: начал распускать руки. Соседи рассказывали, что жизнь Людмилы стала сплошным адом. Муж постоянно третировал, избивал до синяков ее, сына, они боялись появиться на людях. Соседи говорили об этом участковому, звонили в отделение милиции. Реакции – никакой...

В тот трагический день Андрей пил с утра. Требовал еще выпивки, непонятно почему замахнулся на сына.

Наши многотерпеливые женщины, наверное, все могут снести, простить. Но

издевательства над ребенком – вряд ли. Лучше других они знают, что любые конфликты в семье прежде всего и самым отрицательным образом отражаются на детях.

Андрей окончательно опьянел, стал заговариваться, всем угрожать. У него началась, как часто бывало в последнее время, белая горячка. С очумевшими глазами схватил жену за горло, ударил головой о стол, стал душить. Чувствуя, что задыхается, она оперлась на стол, что-то там взяла в руку и ударила...

В руке у нее оказался нож. Андрей опустился на пол. Оказывается, она попала ему сразу в сердце...

Все это выяснится в ходе встреч, бесед с соседями, знакомыми моей подзащитной. Главный вопрос – как квалифицировать произошедшее, чтобы помочь ей. Что это было: умышленное убийство или превышение пределов необходимой обороны?

В чем корни трагедии? И вообще – могло ли этой трагедии не быть? Если бы муж не пил. Но почему он запил?.. Если бы Людмиле с сыном было куда уйти от мужа. Но куда?..

Вопросов, как бы выходящих за рамки компетенции адвоката, много. Но это же факт, что многие аналитики порождением насилия в большинстве случаев называют аномальные жилищные условия – веский аргумент в руках защит-

Фото: Захара РОМАНОВА

Зинаида БАТРАКОВА,
член коллегии адвокатов
«Московский юридический центр»

ника. Люди не в состоянии купить нормальное жилье, а разменять «ненормальное» невозможно, уйти некуда. Нестерпимая совместная жизнь приводит к трагическим последствиям – преступлениям. Причем даже умышленное убийство не всегда совершается из корыстных интересов.

Можно ли упредить возможное преступление на бытовой почве, как-то изолировав друг от друга конфликтующие стороны либо смягчив каким-то образом (каким?) напряженную ситуацию? Наверное. Но даже если насильника, изверга привлекли к уголовной ответственности за побои, истязание, отбыв срок, он все равно ведь вернется в этот дом, сядет за этот стол, ляжет в свою постель. А отношения-то неприязненные, мир-то нарушен. Кроме всего прочего, он, пройдя «школу» за решеткой, будет твердо знать, что статья 1 Семейного кодекса РФ гласит «о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи». И все стараются «не вмешиваться»...

Людмила не раз обращалась в милицию, суд, просила помочь, ей отвечали, что для привлечения Андрея к уголовной ответственности нет оснований. Она поняла, что никому дела до нее нет, хотя проблемами насилия в семье занимаются вроде бы многие государственные структуры и общественные организации:

милиция, суды, прокуратура, Министерство труда и социального развития, Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, другие федеральные, региональные и местные органы.

Адвокат вынужден вести речь о социальных, правовых корнях явления. Серьезного, обстоятельного учета, анализа фактов насилия в семье у нас не ведется. Фиксируются обычно только самые тяжкие преступления. Побои, оскорбления, шантаж, экономические притеснения и иные виды насилия остаются, как правило, вне внимания и влияния, уголовные дела по ним возбуждаются крайне редко.

А раз так, ожидать, что количество бытовых трагедий само собой уменьшится, — напрасно время терять. Начальник УВД Воронежской области генерал А. Деметьев не случайно отметил: «Жуткое время — боремся с преступными группировками, а параллельно растет число ненормированных бытовых убийств».

Насилие приобрело у нас такие масштабы, что специалисты уже говорят об угрозе национальной безопасности страны. 30–40 процентов всех убийств совершаются в семьях. Основные жертвы насилия — женщины и дети. Ежегодно 2 тысячи детей совершают самоубийство, 50 тысяч убегают из дома. Более 14 тысяч женщин погибают от рук мужей, других близких людей. Согласно официальным статистическим данным, ежегодно более 13 тысяч женщин обращаются в органы милиции с заявлениями об изнасиловании. Что здесь может сделать адвокат, даже вся наша система правовой защиты личности? Ну в конкретной ситуации помочь конкретному человеку. А если проблема государственного масштаба?

Руководитель Санкт-Петербургского центра социальной помощи женщинам «Женщины в опасности» Марина Аристова считает, что мы «достигли предела в области давлений друг на друга. И если не найдутся люди, которые согласятся этому противостоять, то мы просто превратимся в нецивилизованное общество». Не только мы: преамбула Декларации об искоренении насилия в отношении женщин тоже отмечает, что «насилие в отношении женщин в семье и обществе возрастает и затрагивает всех женщин, независимо от имущественного и социального положения, а также уровня культуры».

Бытовому насилию подвергаются, а значит, и нуждаются в юридической защите, люди самые разные, в том числе жены высокопоставленных чиновни-

ков, крупных бизнесменов. За поддержкой (возможность получить на пару недель крышу над головой, консультацию у юриста, психолога, врача) обращаются представительницы различных социальных «срезов» общества. Когда мы были в одном из «убежищ» Кризисного центра для женщин, подвергавшихся домашнему насилию, там «отходили» от стрессов учительница, врач, научный сотрудник, офицер милиции, фотомодель, жена крупного бизнесмена, бухгалтер частной фирмы, муж которой вернулся из психиатрической больницы.

Государство обязано знать об этом и принимать свои меры. Насилие в быту — это такой большой слоеный «пирог», в котором столько всего намешано... Та же бухгалтер, человек здравомыслящий и деликатный, говорила о том, что в соответствии с законом «О психиатрической помощи и гарантиях и правах граждан при ее оказании» от 1993 года психических больных держат на подлежащих диспансерному и консультативному наблюдению. Но принудительное психиатрическое освидетельствование и госпитализация, если следовать его букве, возможны лишь в особых случаях, например после признания больного недееспособным в судебном порядке. А как быть с ее мужем, который признан «неопасным для себя и окружающих», «способным самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности», но бывает совершенно неуправляемым?

Удивительно, но факт: определение насилия как преступного деяния в существующем законодательстве отсутствует. Многие говорят о необходимости федерального закона, в котором должны быть прописаны полномочия и ответственность каждой структуры, в том числе и юридической защиты, разработаны специальные реабилитационные программы для жертв насилия и лиц, совершающих его. По мнению авторов этой идеи, новый закон «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» мог бы стать логическим продолжением федерального закона «Об основах социального обслуживания населения». Однако и сам существующий закон не «встал на ноги»: система социального обслуживания еще не сформирована — по данным Министерства труда и социального развития, обеспеченность социальными учреждениями в России составляет 7 процентов. Тем не менее пресечение насилия в семье относится к «рангу» социальных услуг, перекладывается на систему социальных служб. Нет конкретных процедур и ме-

ханизмов взаимодействия социальных служб, правоохранительных органов, суда.

В принципе у нас хороших законов уже много. Но реальной силы их мы не ощущаем. Почему? Не работают. Вот и получается, что проблема не столько в отсутствии законодательной базы, сколько в отсутствии практики ее применения.

Уже сама по себе карательная функция закона — это, конечно, серьезный упреждающий фактор. Но как показывает практика, ориентация только на нее не обеспечивает безопасность в семье. Срабатывает лишь комплекс мер: профилактических, воспитательных, организационных, включающих программы экстренной помощи, просвещения, консультирования, психокоррекции, координации работы правоохранительных органов, адвокатов, медицинских служб, общественных защитников, сотрудников судов, педагогов, церкви, молодежных организаций и т.д.

Мы зря ушли от прошлого собственного опыта, когда участковые инспекторы милиции могли прийти в семью, предупредить нарушителей, привлечь их к ответственности. Это были серьезные профилактические меры, что-то вроде существующих в США охранных ордеров. Был учет пьяниц — их направляли в ЛТП, общественно-опасных — их держали по контролю милиции, ответственности.

Сработай сегодня такие рычаги воздействия на того же отнюдь не общественного изгоя Андрея М., и я уверена, можно было и трагедии избежать, и, пожалуй, семью сохранить. А так... Людмила просто не выдержала жуткого, постоянного давления, пьянок, издевательств, глумлений над сыном. Она, думаю, даже не осознанно, а интуитивно, защищая ребенка и себя, по-своему решила возникшую проблему.

Следствие вменяет ей умышленное убийство (от 6 до 15 лет). Я, как адвокат, считаю, что речь идет об убийстве с превышением пределов необходимой обороны (ограничение свободы или лишение ее на срок до 2 лет). Она же защищалась, а не нападала. Потому я и просила переквалифицировать обвинение со 105-й статьи УК на 108-ю. Следствие со мной не согласилось, дело пошло в суд.

А малышка останется один. Уверенный, между прочим, в том, что отец убил бы их обоих, если бы не мама. Ему десять лет — в три раза меньше, чем мой юридический стаж. И, знаете, мне хотелось бы, чтобы это его мнение прозвучало в судебном процессе.

Сергей ДОРЕНИН,
член Межтерриториальной
коллегии адвокатов

Московское предприятие продало кипрской фирме дом в столице. При этом пожелало получить выручку в долларах США. Доллары поступили, но до продавца не дошли. Оказалось, что предприятие не обладало лицензией Центробанка РФ на проведение такого рода сделок. Как так? Ведь и раньше продавались дома, и раньше предприятие имело дело с валютой. Да, это так. Но раньше дома продавались за рубли, а валюту получали за ширпотреб. В данном же случае и то и другое сошлось вместе, а это уже валютная операция, связанная с движением капитала. А согласно п.10 ст.1 закона «О валютном регулировании и валютном контроле» для проведения таких операций необходимо специальное разрешение властей – та самая лицензия ЦБ РФ. В итоге сделка с киприотами была признана недействительной и все полученное по ней (более 200 тысяч долларов США) перечислено в доход государства.

Конечно, сам предприниматель вряд ли может знать все юридические тонкости. Но этого и не требуется. Для избежания неприятностей достаточно пригласить специалиста, лучше всего – адвоката, опирающегося не только на собственные знания, но и на поддержку всего адвокатского объединения, членом которого состоит, – с солидной ин-

Заманчивое это дело – наладить бизнес с зарубежным партнером. Однако для многих российских предпринимателей подобные попытки заканчиваются одними неприятностями: то к нашему товару за кордоном придирут, то сюда поступит совсем не то, что заказывали, а то сам зарубежный контрагент исчезнет, и где его искать, никто не знает. Опыт показывает, что в основе всех этих неурядиц – слабое юридическое обеспечение сделок. Уж если и с отечественным законодательством иные бизнесмены знакомы не очень, то о правовых основах международных деловых отношений, похоже, и не слышали вовсе.

формационной службой, возможностью проконсультироваться у авторитетных экспертов. Причем подключить адвоката к работе желательно на самой ранней стадии подготовки проекта, еще при возникновении замысла, при разработке протокола о намерениях.

Дело в том, что многие правовые ошибки закладываются как раз в самом начале переговоров. Когда определяется партнер, только-только формулируются правила предстоящих деловых отношений. Бывает, скажем, что еще в протоколе о намерениях появляются некие конкретные обязательства, а в дальнейшем они могут быть истолкованы контрагентом как свидетельство уже состоявшейся сделки, причем с ущербом для нашей стороны.

Особый разговор о надежности зарубежного партнера. Про коллегу-земляка нетрудно разузнать «по месту жительства» и спросить с него дело нехитрое. А партнер-иностранец – это подлинный кот в мешке. Представления о нем российских бизнесменов не идут иной раз дальше рекламных проспектов, спрос же с него затруднен и расстоянием, и непривычной правовой базой. Потому доверчивость тут весьма опасна.

В свое время крупное подмосковное охотхозяйство заключило долгосрочный контракт с испанской фирмой. И поначалу партнерские отношения выглядели

КОТ В ЗАГРА МЕШКЕ

безоблачными. Испанцы регулярно посещали охотничьи угодья и исправно оплачивали выставляемые счета. Но потом произошла осечка: платежи перестали поступать. В охотхозяйстве, однако, не взволновались. Видите ли, руководитель фирмы козырял родством с покойным правителем своей страны, говорил о дружбе с королем и связях при дворе. Только когда задолженность перевалила за 70 тысяч долларов, директор хозяйства рискнул сообщить об этом забывчивому клиенту. На что тот, впрочем, никак не отреагировал.

Хорошо, что контракт был долгосрочный и промедление охотоведов не отразилось на возможности обратиться в надлежащие органы. К тому же в контракте, составленном опытным адвокатом, имелась запись, позволяющая россиянам обратиться в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ, причем спор подлежал рассмотрению с применением российского материального права. В итоге суд вынес решение о взыскании задолженности, и теперь в случае отказа перечислить деньги будет задействован механизм принуждения, предусмотренный Нью-Йоркской конвенцией 1958 года «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений».

Как видим, неприятности в данном случае произошли из-за опрометчивого выбора партнера. Вместо объективной информации о нем в охотхозяйстве опирались на рассказы руководителя ино-

Рисунок Леонида НАСИРОВА

может только специалист, хорошо осведомленный в такого рода делах.

Практика, например, подсказывает необходимость для российских предпринимателей фиксировать в контракте в качестве арбитра по возможным спорам отечественные структуры (арбитражный суд, коммерческий арбитраж при ТПП РФ и др.), а в качестве правил для ведения споров – российское законодательство. Можно только догадываться, в какое

тяжелое положение попали наши заказчики финского полиграфического оборудования, когда оборудование поступило с большой задержкой и к тому же не в комплекте. Когда же россияне заглянули в контракт, то оказалось, что в нем не только не упоминались штрафные санкции за случившееся, но и рассмотрение спора относилось в финский арбитраж, где должно проходить по правилам финской же стороны.

Та же практика свидетельствует, что в тексте контракта ничто не может рассматриваться как мелочь. Если не оговорены упаковка товара, маркировка грузовых мест, не исключена «потеря» груза при транспортировке и вина ляжет на отправителя. Если не говорится о форс-мажорных обстоятельствах, то в случае гибели товара при авиакатастрофе, в штормовом море, от удара молнии убытки опять-таки понесет непредусмотрительный бизнесмен. Со всем нелишне и указание на то, что после подписания контракта все переговоры и переписка по данной сделке теряют силу, что все изменения и дополнения настоящего текста должны быть согласованы и подписаны обеими сторонами. Иначе любое слово, сказанное еще на ранних стадиях подготовки контракта, контрагент использует в свою пользу.

Разумеется, любая коммерческая сделка – процесс в высшей степени ответственный и сложный. Он еще более осложняется, если речь идет о сделке с иностранным партнером. Искренне хотелось бы уберечь наших предпринимателей от ошибок. Это не так уж и трудно: достаточно вовремя обратиться за советом к специалисту.

фирмы о его родственниках и общественном положении, что к делу в сущности отношения не имело. Этого, конечно же, не случилось бы, будь подключен к переговорам опытный адвокат. Однако и этот «прокол» руководителей охотхозяйства, по счастью, не привел к катастрофе, поскольку основной документ сделки – контракт – был все-таки составлен с участием специалиста.

Надо иметь в виду, что контракт должен содержать не только «существенные», с точки зрения действующего законодательства, условия, но и массу уточнений, которые упростят взаимоотношения сторон в каких-то конкретных ситуациях.

Существенными закон признает условия, при отсутствии которых арбитражный суд вправе посчитать сделку недействительной. Это, скажем, полная информация о товаре, его количестве и качестве, цена. Такие требования кому-то могут показаться излишними. Ну как продавать товар, не указав, что именно продается? Тем не менее как раз на подобном нюансе «споткнулось» одно из наших предприятий. Оно решило поставить в Турцию металлоконструкции. Но в контракте и приложениях к нему наименования конструкций и их количество были указаны неточно. К тому же не были оговорены условия, определяющие качество изделий. Все это дало основания для турецкой стороны отказаться от полной оплаты заказа, и наши бизнесмены ничего не смогли им возразить.

Что же касается дополнительных условий, которые весьма желательны в контракте, то их великое множество, все они вытекают из сложившейся практики того или иного бизнеса, и предусмотреть их

Д Н Е В Н И К ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ Д А Т

ОТМЕЧАЕМ В НОЯБРЕ

275 лет правилам судопроизводства

16 (5) ноября 1723 года Петр I издал указ «О форме суда» – своего рода процессуальный кодекс. «Ибо в судах много дают лишнего говорить и много ненадобного пишут, что весьма запрещается». Отныне челобитные надлежало писать «пунктами», устанавливались сроки рассмотрения дел. Челобитчики и ответчики могли направлять в суд своих представителей.

80 лет КЗоТу РСФСР

4 ноября 1918 года ВЦИК принял первый в нашей стране Кодекс законов о труде. Установлены 8-часовой рабочий день при 46-часовой рабочей неделе и ежегодный месячный отпуск. Запрещены совместительство и оплачиваемый труд во время отпуска. Безработный не вправе отказать от предложенной работы по специальности, работающий – от перевода на другое предприятие, в том числе и с выездом в другую местность.

80 лет национализации авторских прав

26 ноября 1918 года совнарком принял декрет о порядке признания произведений науки и искусства государственным достоянием. Решения об этом принимал наркомат просвещения, он устанавливал и размер авторского вознаграждения. Гонорар умерших авторов обращался в пользу государства, а их наследникам выплачивался «в размере прожиточного минимума».

80 лет окладам военнопленным

16 ноября 1918 года принято постановление СНК о денежном довольствии находящихся в плену военнослужащих и их семей. Семьи находящихся в плену получали половину их окладов, а также продпаяк. По возвращении из плена военнослужащий получал оставшуюся часть положенной суммы, но не более 1500 рублей.

5 лет с традиционным гербом

30 ноября 1993 года указом Президента РФ восстановлен традиционный российский герб – двуглавый орел, символизирующий евро-азиатское положение нашего государства. Впервые этот герб был принят в 1472 году Иваном III.

ПИРАТЫ!

Елена ГОРЕМЫКИНА,
член
Московской
городской
коллегии
адвокатов

Фото Русланова РИЗАНОВА

ЖАЛО *Осторожно!*

В канун 1996 года директор муниципального предприятия «Театр-студия «Актеры кино и театра» совершенно случайно оказался в кинотеатре «Взлет», что в подмосковном Жуковском. И надо же приключиться такому совпадению: в тот день здесь шел чешский художественный фильм «Нагота на продажу» — тот самый, исключительные права на прокат которого принадлежат именно театру-студии. Но с местным кинотеатром студия никаких соглашений на сей счет не заключала. Выходит, налицо обыкновенное кинопиратство?!

В кинотеатре этот прискорбный факт отрицать не стали. Согласились, что за использование чужого надо платить. Правда, пояснили, что фильмокопию получили от своего головного предприятия «Киновидео-сервис» (бывший Мособлкинопрокат). А из документов следовало, что картина демонстрировалась также и в других районах Подмосковья.

Зафиксировав свое открытие соответствующим актом, директор театра-студии направил в адрес «Киновидео-сервиса» надлежаще оформленную претензию и одновременно уведомил о незаконном прокате картины главу администрации Московской области и председателя Роскомкино. Но откликнулся лишь последний, подтвердив, что им действительно выдавалось театру-студии прокатное удостоверение на фильм, и посоветовав обращаться за защитой своих прав «в уполномоченные органы». А «Киновидео-сервис» не только не попытался урегулировать конфликт миром, но и запретил по-

допечным кинотеатрам сообщать что-либо о прокате фильма.

Прощать такое поведение не было никаких причин, и сотрудники театра-студии решили побороться за справедливость в суде. Тем более что согласно закону «Об авторском праве и смежных правах» (ст. 49) обладатели этих прав могут требовать от нарушителя как признания своих прав, так и возмещения убытков, взыскания незаконно полученного дохода и выплаты компенсации – аж до 50 тысяч (!) минимальных размеров оплаты труда. Для защиты своих интересов театр-студия обратился в наше адвокатское бюро («Лабеев»).

Надо сказать, что арбитражная практика по такого рода делам (когда защиты требует не автор кинопроизведения, а обладатель авторских прав по договору) не богата и по сей день. Тогда же, в 1996-м, ее вообще не было. Потому предложение участвовать в этом деле представлялось сколь привлекательным, столь и рискованным: как-то все получится? Тем не менее мы его приняли и теперь можно поделиться некоторым опытом.

Прежде всего обнаружилась некая отстраненность от данной юридической проблемы органов прокуратуры. Словно не им предписано осуществлять надзор за соблюдением законности в сфере авторских прав. Целью же нашего обращения в Мособлпрокуратуру было установление фактов возможного нарушения авторских прав в других кинотеатрах области. Но наше письмо было переслано в Жуковский, а на повторное сообщалось, что «оснований для прокурорского реагирования не усматривается». Не поддержала нас в этом противостоянии и Генеральная прокуратура РФ.

Пришлось обращаться в Арбитражный суд Москвы с теми документами, что у нас были: акт о прокате фильма в кинотеатре «Взлет» и данные из технических паспортов фильмокопий о прокате фильма в других отделениях «Киноvideосервиса» (всего более тысячи сеансов). Естественно, представили мы и документ, подтверждающий обладание истцом исключительными авторскими правами на фильм, – Соглашение о программной лицензии, заключенное с дистрибу-

тором продюсера фильма, а также регистрационное удостоверение Роскомкино.

Как ни странно, ответчик легко признал факт проката фильма в своих отделениях и даже представил суду (по нашему ходатайству) репертуарный план и справку о полученных доходах. Однако с исковыми требованиями не согласился, полагая, что истец не обладает исключительными авторскими правами. Суд тем не менее наличие этих прав подтвердил и установил, что они были нарушены. С ответчика надлежало взыскать компенсацию в 550 минимальных размеров оплаты труда.

По поводу этой суммы я еще выскажусь. Но тогда нас ожидало более серьезное разочарование: по жалобе ответчика апелляция инстанция в иске отказала. На этот раз суд посчитал не доказанным то, что дистрибутор продюсера фильма обладал исключительными авторскими правами на фильм, а потому, дескать, не мог передать их театру-студии.

Но такая аргументация постановления свидетельствовала лишь о недостаточной осведомленности судей о существе вопроса и установившейся на сей счет международно-правовой практике. Поэтому истец обжаловал новое решение в Федеральный арбитражный суд Московского округа. Причем представил на обозрение суда документы, дополнительно подтверждающие наличие исключительных прав у дистрибутора. В частности, была представлена копия договора между продюсером фильма (компания «Герек-фильм») и его дистрибутором («Спейс-фильм»). Из него следует, что дистрибутор является обладателем исключительных авторских прав, то есть не только правом на прокат фильма, но и правом передавать исключительные авторские права другим лицам.

Одновременно мы обратили внимание суда на соглашение о программной лицензии, заключенное между компанией «Спейс-фильм» и театром-студией, в соответствии с которым последнему переданы эксклюзивные (исключительные) права на телевизионную и театральную демонстрацию фильма в России в течение 5 лет.

Мы также сослались на положение пункта 2 статьи 5 Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений, согласно которому «объем охраны, равно как и средства защиты, обеспечиваемые автору для ограждения его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана». То есть в нашем случае в отношении нарушителя прав должно применяться российское законодательство.

Согласно же российскому законодательству авторские имущественные права передаются другим лицам исключительно по авторскому договору, но такого между театром-студией и ответчиком – предприятием «Киноvideосервис» не заключалось.

Все это послужило основанием для того, чтобы кассационная инстанция вынесла решение в нашу пользу. Федеральный арбитражный суд Московского округа подтвердил исключительные авторские права театра-студии на демонстрацию в стране фильма «Нагота на продажу», а также факты нарушения этих прав «Киноvideосервисом». Таким образом, впервые в России была дана юридическая оценка конкретному факту кинопиратства и защищены интересы правообладателя авторских прав.

Увы, в ходе судебного заседания не было пересмотрено решение суда 1-й инстанции о выплате ответчиком неоправданно малой компенсации (550 минимальных размеров оплаты труда). Тем самым нарушение закона фактически оставлено без последствий. Ибо ответчику предписано выплатить сумму, которую он заплатил бы при законном использовании фильма. Чтобы уйти от должной материальной ответственности, «Киноvideосервис» представил суду явно заниженные сведения о полученном доходе: чуть более 3 тысяч рублей (в старых ценах) с сеанса, тогда как цена одного билета превышала 4 тысячи.

Вопрос об устранении этой нелепицы мы поставили уже перед надзорной инстанцией. Надеемся, что она согласится с нашими доводами. А пока отметим то, что, наконец, создан судебный прецедент защиты авторских прав и в нашей стране.

Фото: Гудальфа РИЗАНЧОВА

Давид ДАВИТАДЗЕ, член коллегии адвокатов «Московский юридический центр», кандидат юридических наук

Давид Давидович Давитадзе проработал 20 лет в правоохранительных органах, из них 12 – в прокуратуре. Много лет посвятил изучению вопросов практического применения таможенного права. Проанализировав более 2000 уголовных дел по контрабанде, написал и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Уголовно-правовая ответственность за контрабанду». В этой статье автор попытался обозначить масштабы проблем, возможности правовой защиты таможенных интересов, национально-экономической безопасности России.

ГОСУДАРСТВЕН

Было это года три назад, еще когда я работал в прокуратуре. Занимались мы расследованием одного серьезного дела, связанного с контрабандой стратегического сырья... Большегрузные «Мерседесы», «КамАЗы» по одному начали подходить к месту встречи ближе к полуночи. Сбивались в колонну осторожно, будто на ощупь. Когда мы увидели в свете фар нескольких человек в таможенной форме, сначала подумалось, что они испортили нам всю обедню, но вскоре стало ясно, что для контрабандистов они – свои люди.

Транзит контрабанды с таможенным сопровождением – это что-то новенькое... Позже, когда удастся обобщить, проанализировать многие данные, стало ясно: «партнерские» отношения у таможенников сложились по периметру российской границы практически со всеми участниками внешней торговли – бизнесменами и банками, военными, гражданскими летчиками и моряками, рыбаками и «дальнобойщиками», даже с организованными преступными группировками.

Тогда только в течение одного полугодия было заведено почти две тысячи уголовных дел по нарушениям таможенного законодательства.

Казалось бы, положение дел должно измениться в лучшую сторону. Но не все так просто. На коллегии Генеральной прокуратуры отмечалось, что «особую опасность представляет контрабанда, совершенная с участием сотрудников таможни, в том числе и в составе организованных групп»... И по данным МВД с 1995 года до недавнего времени сохранялась тенденция роста нарушений таможенного законодательства, использования экспортно-импортных, валютных операций криминализированными коммерческими структурами, организованными преступными группировками. Преступления, совершаемые во внешнеэкономической сфере, даже, как гласят официальные документы, «поставили под угрозу экономическую безопасность российского государства».

Значит, причина в чем-то ином. В чем же? Известно, что с 1992 года у нас в стране создается новый механизм регулирования внешнеэкономической деятельности. В основе его «постепенный отказ от приоритета в этих вопросах административных методов регулирования над экономическими, но при сохранении государственного контроля за деятельностью российских экспортеров и импортеров на внешних рынках».

Рычаги управления процессом тогдашнее руководство таможни, к сожалению, не удержало в своих руках. Слишком резкая либерализация внешнеэкономической деятельности при отставании законодательных норм от внешнеэкономической практики позволила мошенникам разного сорта широко «открыть ворота», – используя поддельные таможенные документы, получая банковские кредиты под фиктивные контракты, конвертировать рубли и переводить их за рубеж.

Общая масса российской контрабанды на западных валютных рынках, по прогнозным оценкам компетентных органов, исчисляется миллиардами. Российские предприятия и частные лица, по оценкам Union Bank of Switzerland, держат в иностранных банках порядка 100 млрд. долларов. При этом, по некоторым данным, ежегодная нелегальная утечка капитала за рубеж составляет около 12 млрд. долларов.

Трансферт капиталов за границу на протяжении ряда лет осуществлялся без лицензий, обоснования и оформления, без уплаты налогов и сборов. Полной информации о суммах, динамике и географическом размещении российских капиталов за рубежом, по данным Генеральной проку-

В номере 3 журнала «Российский адвокат» с. г. под рубрикой «Устами клиента» был опубликован материал Б. Алибасова «Мой адвокат настроен решительно» о процессе по иску вокальной группы «На-На» против газеты «Мегаполис-Экспресс», по мнению истца, поместившей на своих страницах не соответствующие действительности сведения. Суд вынес решение в пользу истца, однако адвокат противоположной стороны А. Островский утверждает, что, несмотря на решение суда, — de facto процесс этот выигран ответчиками. Предоставляем слово Александру ОСТРОВСКОМУ.

Иной ракурс процесса

Когда руководство редакции «Мегаполис-Экспресс» обратилось ко мне за юридической помощью, не потребовалось много времени, чтобы понять — дело безнадежное. И поэтому мы с членом МГКА В. Копытцовой и моим коллегой по «Канону» А. Добровинским вынуждены были обсуждать проблему: как редакции выйти из процесса с наименьшими потерями.

Сложность состояла еще в том, что редакции в это самое время предъявили иски члены семейства Вертинских. Суммарно исковые требования превосходили два миллиарда неденоминированных рублей.

Необходим был ход.

И пока мы его искали, Алибасов и команда действовали без особого стеснения. Бари активнейшим образом поливал грязью и журналистку Алену Снежинскую, и редакцию газеты. Настолько активно, что нарвался на встречный иск о защите деловой репутации «Мегаполис-Экспресса», который до сих пор рассматривается в Пресненском межмуниципальном суде. Участия в процессе Алибасов всячески избегает, срывая судебные заседания.

В пылу борьбы при подготовке к процессу оппоненты совершили ошибку — не проверили: является ли редакция газеты «Мегаполис-Экспресс» юридическим лицом. Меж тем как именно это обстоятельство позволило спасти газету от банкротства. На момент иска редакция газеты не являлась юридическим лицом, а

была печатным органом издательства «Мегаполис-Экспресс». С учетом этого я предложил своим доверителям «подыграть» истцам: оформить все документы в суд таким образом, чтобы не возникло сомнений — редакция газеты и есть юридическое лицо. Даже круглую печать изготовили срочно, причем с подлинным регистрационным номером, но не Регистрационной палаты, а Комитета РФ по печати. В доверенности было написано: «Главный редактор, действующий на основании устава (какого именно, мы обошли молчанием)...»

А Бари Каримович продолжал «подставляться». Желая получить побольше так называемой упущенной выгоды, истцы решили приобрести к делу документы о доходах коллектива «На-На», полученных во время гастролей в Таиланде. Цифры там фантастические — до 30 тысяч долларов за концерт. Они просили взыскать упущенную выгоду и освободить их от уплаты госпошлины, ссылаясь на тяжелое финансовое положение группы. Мы категорически возражали, понимая, что если суд обяжет их уплатить пошлину, иска не будет.

Вообще, это очень рискованный шаг — обнародовать финансовую деятельность, тем более сомнительную... И надо было предвидеть, что документы немедленно окажутся в налоговых органах с просьбой: помогите, мол, будьте добры, уважаемому артисту разобраться с доходами...

Таким образом нам удалось, попросту говоря, провести истцов и их пред-

ставителей, как воробьев на мякине. Если бы юристы Алибасова и Вертинских не прохлопали этот наш ход, у нас уже не было бы газеты «Мегаполис-Экспресс».

Судья госпожа Лысак, мне кажется, была склонна принять позицию истцов. Пришлось включить «тяжелую артиллерию», пойти на жесткую аргументацию. В судебном заседании я напомнил один из пунктов обвинения бывшего и.о. Генерального прокурора Алексея Ильющенко о предъявлении исков в интересах коммерческих структур, что приводило к освобождению их от госпошлины. После этого судья обязала истцов оплатить пошлину, и про упущенную выгоду мы больше не слышали.

Когда суд вынес решение взыскать с редакции около 300 миллионов рублей в пользу «нанайцев» и Вертинских, редакция по нашему совету срочно зарегистрировалась как юридическое лицо. Естественно, с нулем на счете, несколькими колченогими стульями на балансе...

Что в итоге получили истцы? Осознание победы? Да. Но денег как не было, так и нет.

В данный момент истцам приходится безрезультатно ждать в очереди к бедной кассе редакции, получая копейки выплат по судебному решению. Сколько это продлится, сказать затрудняюсь.

Думаю, что читатель сам сделает вывод: кто на самом деле добился большего успеха в этом процессе.

Несколько лет назад мне довелось быть на встрече, участие в которой принимали и адвокаты, чей профессиональный стаж исчисляется не годами, а многими десятилетиями. Их учителями были известные защитники, которые в свое время ходили в учениках у наставников, составивших славу российской дореволюционной адвокатуры. Даже короткое общение с ними позволяло представить, какая поистине уникальная школа предшествовала им на ниве отечественной юриспруденции. Это чувствовалось во всем – в точности и глубине оценок обсуждаемых вопросов, обширности знаний, независимости суждений. Но как бы ни были остры и непримиримы споры, собеседники обращались друг к другу с неизменной корректностью, подчеркивая свое уважительное отношение к чужому мнению. Вокруг них витала атмосфера человеческого благородства, доброжелательства, щедрой душевной отзывчивости.

Воспоминания о встрече со старшими коллегами приходят ко мне каждый раз, когда доводится сегодня сталкиваться с примерами иного рода. Будем откровенны – всегда ли присутствуют в нашей нынешней адвокатской среде те истинно товарищеские, одухотворенные взаимным радушием чувства, которые отличали наших предшественников? Мне могут возразить: дескать, сейчас другое время, иная жизнь, предъявляющая свои требования. Мир изменился до неузнаваемости, сложились более жесткие отношения между людьми. Кому теперь нужны былые патриархальные ценности? В ходу, мол, сейчас другое – нахрапистость, готовность всех расталкивать локтями. Особенно в последнее время, когда на нас обрушились тяжкие испытания.

Конечно, во многом сегодняшняя действительность не может радовать. Но разве потрясения последних дней – повод для того, чтобы напрочь отказаться от наших лучших традиций, правил нравственной этики, нравственного долга? Даже в более тяжкие времена адвокаты в России не опускались до мелкотравчатой свары, где определяющими становятся не профессиональное мастерство, а суетливая зависть, озлобленность, коварство и подличанье.

У нас же порой верх берут тщеславие, пустые амбиции, а то и элементарная не порядочность. Можно ли назвать порядочным адвоката, который нашептывает клиенту своего коллеги, что его защитник не способен успешно справиться с возложенной на него задачей, – и чересчур молод он, опыта у него не хватает и т.д. и т.п. При этом такой «доброжелатель», ничуть не смущаясь, заявляет ошарашенному просителю, что только он в состоянии вызволить человека из беды.

О каких высоких нравственных качествах тут можно говорить? Налицо не только этическая, но и профессиональная ущербность, потому что адвокат, обладающий поистине высокой подготовкой, никогда не станет прибегать к сомнительным приемам, чтобы перехватить клиен-

Фото: Радольфа РИЗАНОВА

Лидия САВЕЛЬЕВА, заведующая юридической консультацией «Норма» коллегии адвокатов «Московский юридический центр»

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ...

та, опорочив в его глазах своего же товарища. Так поступают лишь те, кто стремится компенсировать свою профессиональную беспомощность всяческими интригами, наушничеством, кухонными сплетнями. Стыдно смотреть на такого коллегу, который шумно злорадствует по поводу чьих-то неудач (у кого их не бывает!), из кожи лезет вон, чтобы публично ославить кого-то, кто оказался более подготовлен или удачлив.

На мой взгляд, все это – свидетельство прежде всего внутреннего убожества, прикрытого крикливой саморекламой, густо замешанной на кичливой спеси, полном пренебрежении нормами профессиональной этики. Глубоко уверена, что уважение к адвокатуре – это в первую очередь уважение к коллегам. Именно от отношения внутри самого адвокатского сообщества зависят его прочность, способность противостоять любому давлению извне, готовность надежно выполнять главную за-

дачу – защищать права человека, его свободы и законные интересы.

Нетрудно догадаться, что может случиться, если среди адвокатов возобладают раздоры, непонимание, желание, как говорится, общее одеяло тянуть только на себя, не обращая никакого внимания на тех, кто рядом, с кем выпала судьба идти одной дорогой. В этом случае мы рискуем оказаться перед ситуацией, когда разобщение сил и устремлений приведет к ослаблению наших возможностей, превратит адвокатуру в некое аморфное образование, не имеющее никакого влияния ни на общество, ни на власть.

Нечто подобное мы наблюдаем уже сегодня. Все эти попытки осложнить нашу профессиональную деятельность различными административными «наездами», налоговым бременем и чиновничьим произволом и есть закономерный результат того, что мы сами позволили проникнуть в нашу среду микробам неумного стяжательства, амбициозного властолюбия, взаимного недоверия.

Последствия такого отношения к судьбе всего адвокатского сообщества России хорошо видны даже самому ненаблюдательному взгляду. Уже один пример многолетнего «хождения по мукам» проекта Закона об адвокатуре красноречивее всего говорит о том, что мы не сумели пока проникнуться общими помыслами и целями, искусственно делим свои ряды на какие-то группировки, ревностно накапливая в них надуманные обиды и претензии.

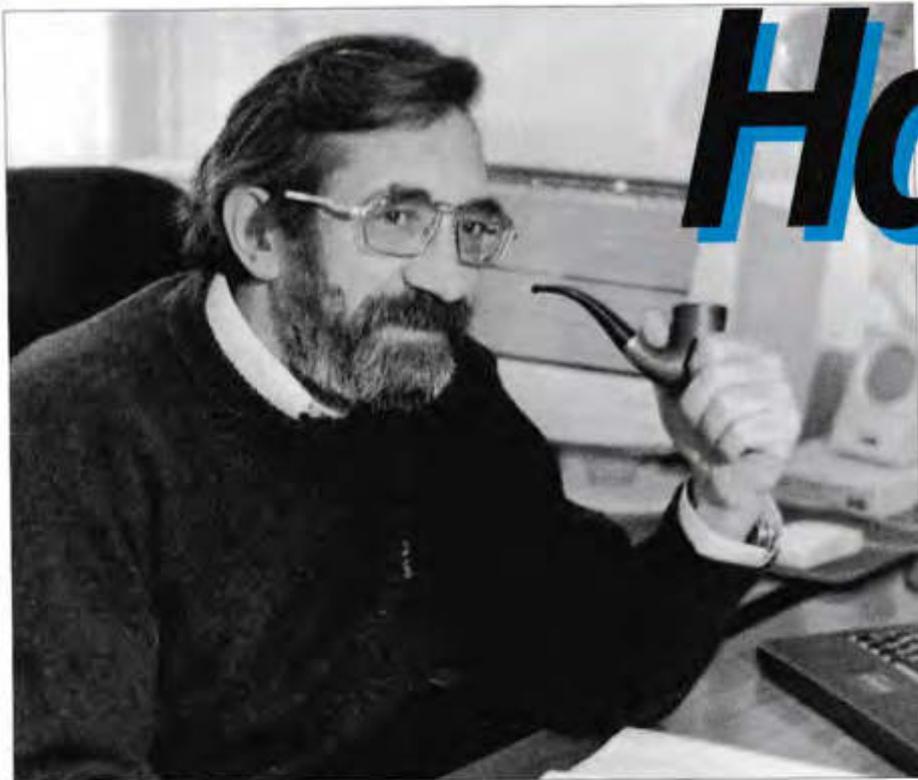
А начинается все с малого – зависти к коллеге, желания ему навредить, чтобы представить себя в более выгодном свете. Кому из адвокатов не знакома такая картина – идет судебное заседание, в котором рассматривается групповое дело. В процессе участвуют два защитника. И вот один из них встает и говорит:

– Мой подзащитный невиновен, а виновен...

И называет фамилию подсудимого, которого защищает второй адвокат.

Что это как не нарушение профессиональной этики, проявление полного неуважения к своему коллеге! Есть же проверенный порядок разрешения подобных ситуаций. Достаточно сказать, что виновно другое лицо, не называя никаких фамилий, чтобы достоинство коллеги было сохранено в глазах суда. Когда же звучат публичные сомнения в его профессионализме, а то и произносятся неслестные оценки его личности, то страдает не только объект грубых, оскорбительных нападок. Их автор тоже предстает в неприглядном свете как сутяжник, злобный склочник, готовый прибегнуть к самым грязным приемам. А в результате страдает все дело защиты, которое лишается согласованности усилий. В таких случаях обвинению гораздо легче добиться своей цели.

«Не рой другому яму – сам в нее попадешь», – говорят о подобных ситуациях в народе. И вполне справедливо.

На гра

Его называют авантюристом, нахалом, хулиганом, дезинформатором, хитрецом. В последние годы за ним закрепилась кличка «Крутой адвокат». Его исключали из коллегии адвокатов за поступки, несовместимые с пребыванием в этой солидной организации.

«За дачу ложных показаний»

Жила в Магадане молодая женщина по имени Катерина. Был у нее маленький ребенок, и проживали они вместе с матерью и братом в трехкомнатной квартире. А прописана она была у отца в барачной комнате.

Однажды отец сказал:

– Я жениться собрался, Катюха. Съехаться хотим. Ты пропишись у матери, все равно там живешь.

Катерина выписалась с жилплощади отца. А мать прописать ее отказалась.

Магадан был городом режимным. В погранзоне без прописки – ни работы, ни медобслуживания, ни детсада – шагу не ступишь. Право на прописку и стало предметом разбирательства в суде по иску Катерины.

В областной коллегии адвокатов практиковал в ту пору выходец из Питера, бывший опер Борис Кузнецов. Перед самым судебным процессом к нему обратился адвокат Катерины:

– Заменяй меня – уезжаю. Дело простое. Моя подзащитная и родилась, и жила в том доме.

Однако не все очевидное просто. В ожидании процесса Кузнецов перелистывал дело, когда обратил внимание на людскую суету у дверей.

– Что за люди? – спросил он Катерину.

– Материны свидетели. Скажут, что меня не знают и никогда в доме не видели.

Дело запахло керосином. Без подготовки идти на процесс было нельзя.

Кузнецов – к судье:

– Я сегодня плохо себя чувствую. Нельзя ли отложить слушание?

– Нельзя! Начинаем.

Не успел судья открыть заседание, как адвокат попросил разрешения отлучиться.

– Что у вас? – строго спросил тот.

– Извините, понос.

Заседание прервалось. И прерывалось еще несколько раз по столь прозаической причине. В конце концов судья рассвирепел и перенес заседание до выздоровления представителя истца. Необходимое для подготовки к процессу время было выиграно.

Связь человека с миром начинается со дня его рождения: роддом, загс, детсад, поликлиника, школа, почта, работа и т.д. Во все эти инстанции Кузнецов оперативно доставил запросы. И оперативно выбил справки, подтверждающие, что Катерина не с неба свалилась в спорную квартиру. Однако, зная обидчивого судью, он предполагал, что «поноса» тот не простил и дело может быть отправлено на доследование. Такой поворот адвоката не устраивал. Нужен неушибенный козырь.

Среди знакомых Кузнецова был участковый, который обслуживал территорию, где жила Катерина. Ему он и позвонил:

– Ты знаешь, что у тебя живет человек без прописки?

– Быть не может!

– А ты проверь. Возьми у жильцов объяснительные...

Вечером тот сам вышел на связь:

– Спасибо! Выявил. Оштрафовал.

– С тебя бутылка и копии протокола с объяснительными.

Так в портфеле адвоката оказались документы, подписанные испуганными жильцами и самой матерью. Не кривя душой, они рассказали, как все было. Естественно, никак не связывая визит блюстителя паспортного режима с предстоящим судебным процессом...

Судья предупредил первого свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний. Тот с честными глазами стал свидетельствовать, что никогда не видел истицу ни в квартире, ни в доме, ни возле дома. Кузнецов дал ему высказаться.

И лишь когда тот, довольный собой, смолк, сказал с иронией:

– Прошу высокий суд ознакомиться со следующими документами, – и выложил одну за другой все десять справок. А под конец копию протокола о нарушении паспортного режима.

– Ваша подпись? – грозно спросил судья ответчицу.

– Моя...

Кузнецов обратился к судье:

ани фолола

— Прошу возбудить уголовное дело на свидетеля, который только что дал ложные показания, и взять его под стражу в зале суда.

Судья объявил перерыв, суд удалился на совещание.

В перерыве все свидетели разбежались...

Этот давний эпизод из адвокатской практики Бориса Кузнецова — из самых рядовых и незаметных. Но очень характерный для него. Тот выигранный процесс стал первым из кучи булыжников, которыми станут кидать в Кузнецова, обвиняя его в нарушении моральных принципов и этических норм: демонстративно сорвал судебное заседание, сославшись на медвежью болезнь, обманом завладел копией протокола участкового, «накапал» на подзащитную, так что ей пришлось заплатить десятку штрафа... Булыжники накапливались с каждым процессом. Десять оправдательных приговоров за год — такого фиаско магаданская прокуратура еще не знала. И это во времена, когда оправдательный приговор вообще был редкостью!

«...голова не так повернута!»

Начинал Кузнецов свою юридическую карьеру в районном угро города Ленинграда. Посадили юного опера на розыск неплательщиков алиментов. Кузнецову повезло. Бабкой-наставницей у него была мудрая фронтовичка Надежда Георгиевна Беляева. Прямым начальником — интеллигентнейший Анатолий Михайлович Алексеев, кандидат юридических наук с диссертацией на стыке психологии и уголовно-процессуального законодательства, имевший фонотеку Шаляпина и огромную библиотеку.

Избавиться от алиментчиков помог Кузнецову случай.

Убили женщину. При себе у нее ничего не оказалось, кроме копии платежного получения на сумму 52 руб. 20 коп. Чтобы установить личность погибшей, надо было найти оригинал платежки. По всем райотделам милиции пошло циркулярное указание прошерстить отделения сбербанка.

Проверку Дзержинского отделения начальник розыска поручил Кузнецову. И дал срок — три дня.

Это был сизифов труд. Тысячами платежей оказались забиты стеллажи нескольких комнат. Чтобы все проверить — не хватит и полгода. Но делать нечего — стал искать.

День искал. Второй. Полистать еще день для очистки совести и сочинить липовую докладную?... Вдруг вроде бы что-то мелькнуло в подкорке. Вернулся к уже просмотренным документам. Перелистывал их в обратном порядке, пока не сообразил, что довольно часто встречается сумма 26 руб. 10 коп.— ровно в два раза меньшая. Это была стоимость экскурсионного автобуса по городу. Поступала она на счет Бюро путешествий и экскурсий. А если кто-то заказал сразу два автобуса?

Плюнул опер на банковские стеллажи и поехал к экскурсоводам. А там всего-то томов десять платежей. Среди них он и обнаружил нужную. Поехал в организацию, которая произвела оплату. Показал в отделе кадром фотографию погибшей, оказалась — их сотрудницы, находившейся на тот момент в отпуске.

Кузнецов стал названивать своему начальнику — того на месте не оказалось. И районный опер махнул прямо в УВД. Попал на начальника «убойного» отдела полковника Виноградова и выложил ему все.

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Тот выслушал, взял телефонную трубку, сказал Кузнецову:

— Выйди на минутку.

Вышел. Но и через дверь было слышно, как полковник говорил кузнецовскому начальству:

— Ты его не ругай за то, что через голову прыгнул, — молодой, небитый. Да не держи его на алиментчиках — нестандартно мыслит. Пускай на зоне работает...

Втык опер все равно получил. Но через неделю был назначен зональным оперуполномоченным.

А нестандартность мышления стала его коньком. На этом коньке он и въехал через два десятка лет в адвокатуру.

— Есть хорошие адвокаты, очень хорошие и блестящие. Кузнецов — не тот, не другой, не третий. У него голова не так повернута!... — так охарактеризовал коллегу один из видных питерских адвокатов Юрий Шмидт.

Частное бюро

В восемьдесят девятом группа депутатов Верховного Совета России пригласила Бориса Кузнецова для юридических консультаций. Объем работы оказался очень большим, одному не осилить. Пригласил в помощь знакомых юристов. Эта группа и стала ядром будущего адвокатского бюро «Борис Кузнецов и партнеры». На рекламу средств не было, а привлечь внимание прессы «за так» — необходим процесс громкий, который бы взбудоражил общественность.

Таким стало дело бывшего генерала КГБ Олега Калугина. Его обвинили в разглашении государственной тайны, разжаловали, лишили наград и выкинули из органов без пенсии.

КГБ — структура особая. Раздобыть в этой конторе какую-либо информацию — себе дороже. Надо было искать обходной путь, не влезая в дебри несекретных секретов.

Кузнецов сказал однажды:

— Я веду с государством борьбу за права человека по всем правилам военного искусства: изучаю «противника», использую разведку и маскировку, применяю военную хитрость, выбираю момент атаки, использую дезинформацию и концент-

рирую силы на направлении главного удара, где «противник» его не ожидает.

По советскому законодательству лишиться звания генерала имел право лишь Совет Министров своим постановлением, принятым большинством голосов. Копия такого постановления, датированного 29 июня 1990 года, в деле имелась. Но было ли большинство? Может, и самого заседания не было?..

Вот когда пригодилось знакомство с депутатами. Уговорил некоторых сделать запросы министрам. Одна довольно популярная депутатша, например, послала запрос министру деревообрабатывающей промышленности такого содержания: «Прошу сообщить, почему вы не были 29 июня на заседании Совета Министров, где рассматривался вопрос о строительстве Байконурского деревообрабатывающего комбината?»

Ей позвонил помощник министра:

– На Байконуре никакие деревья не растут. Официальный ответ отправляем с курьером.

В ответе черным по белому было написано, что никакого заседания 29 июня не было. Этот факт письменно заверили еще 16 министров...

Процесс Кузнецов выиграл. Он стал началом популярности адвокатского бюро, причем на мировом уровне. Потом было еще несколько дел, не оставшихся без внимания прессы. Бурно, например, освещался раздел Театра на Таганке. Кузнецов тогда представлял интересы группы, в которую входили Филатов, Губенко, другие известные актеры... Еще один процесс закончился тем, что довольно популярный телеведущий Караулов публично извинился перед оскорбленным им человеком... Позже Кузнецов защитил киноактера Георгия Юматова, которого обвинили в уголовном преступлении...

Но популярность – величина не постоянная. Она – что лошадь: тащит, пока молодая. А обессилела, покупай новую, иначе окажешься посреди дороги с увязшей телегой.

«Подпись моя. Но я не подписывал!»

С Владимиром Шумейко они встретились впервые в кабинете, который когда-то занимал сталинский министр иностранных дел В. М. Молотов. Адвокат произнес обычную при знакомстве с клиентом фразу:

– Никаких обещаний и гарантий, Владимир Филиппович, дать не могу. Я должен познакомиться со всеми материалами и поработать над ними вместе с вами.

Материалов было предостаточно. В тот год политическое противостояние «Ельцин – Хасбулатов, Руцкой» стремительно набирало силу. Средства массовой информации были заполнены компроматом, который активно сливали в прессу обе стороны. Генеральная прокуратура то вызывала Шумейко в качестве свидетеля по делу о хищениях, то заводила против него уголовное дело за злоупотребление служебным положением.

Официальное следствие, нацеленное на обвинение, всегда оставляет за бортом массу деталей. А именно в них нередко прячется то, что работает на защиту. В деле Шумейко эти детали заняли несколько томов. Они и легли в основу эпистолярной дуэли адвоката и Генеральной прокуратуры. И длилась она больше года. Прокуратура уже готова была капитулировать, когда ее арсенал пополнился документом убойной силы. То было банковское распоряжение на перечисление солидной суммы со счета в швейцарском банке. И подписано оно было господином Шумейко.

Этот документ Кузнецов увидел впервые в кабинете помощника Генерального прокурора России А. Яковлева, куда они с Шумейко явились по официальному вызову. Лист был вложен в прозрачную целлофановую папку, запаянную с трех сторон – четвертая оставалась открытой.

– Ваша подпись, Владимир Филиппович? – спросил Яковлев.

– Моя.

– Когда вы подписали это распоряжение?

– Я не подписывал.

– Как же так? Подпись-то ваша?

– Да, моя. Но не подписывал.

– Так не бывает...

В этот момент в кабинете затрезвонил телефон. Яковлев отвлекся на разговор.

Кузнецов подтянул папку к себе, быстро вытащил документ и стал тереть по подписи пальцем. Он знал, что Шумейко всегда пишет перьевой ручкой. Если потереть пальцем по написанному, остается след. А тут – никакого следа.

– Что вы делаете? – закричал Яковлев, увидев, что вытворяет адвокат.

Кузнецов, словно не замечая разгневанного прокурора, обратился к Шумейко:

– Вы правы. Подпись выполнена не вами.

Дело в том, что лазерная технология позволяет поставить под любым документом любую подпись, если имеется ее образец. Документ вводится в компьютер, подпись сканируется. Остается распечатать на лазерном принтере, и фальшивка готова. Однако на бумаге невозможно обнаружить следов вдавливания, как это бывает на оригинале.

Кстати, Руцкой, предоставивший этот документ, вскоре и сам стал жертвой такой же фальшивки. Шла грязная игра за власть и за большие деньги...

Ну а Генпрокурору все же пришлось капитулировать.

Протокол из урны

...Однажды Кузнецов взялся защищать женщину, уже находящуюся в заключении. Писал во все инстанции и отовсюду получал однозначные ответы: вина осужденной установлена судом... А он был убежден, что дело сфальсифицировано. И решился на весьма рискованный шаг. Взял и опубликовал в газете статью, где, не особо выбирая выражения, обвинил и прокурора, и следователей, и судью в нарушении процессуальных норм и подтасовке фактов.

Те дико обиделись и опрометчиво возбудили против Кузнецова уголовное дело. Но чтобы разобраться в нем, надо было поднять из архива дело отбывающей срок женщины...

Тут и обнаружили юридические неувязки и явная фальсификация. Кузнецова оправдали. Прихватив постановления о прекращении собственного уголовного дела, он явился к заместителю председателя Верховного суда. Ознакомившись со всеми документами, тот сказал:

– Рисковый ты мужик! Мог и загреметь.

И истребовал в порядке надзора дело осужденной. Неправедный приговор был отменен.

...И еще. После одного из обвинительных приговоров Кузнецов написал заявление об ознакомлении с протоколом судебного заседания. Несколько дней подряд звонил секретарю: протокол готов?.. На исходе недели, наконец, услышал:

– Готов.

К концу рабочего дня он поехал в здание суда. Дождался, пока в нем остались одни уборщицы, зашел в комнату секретарей.

– Извините, – обратился к уборщице, – я был здесь днем и случайно выбросил в урну рецепт от очков.

– Ищи, сынок.

Кузнецов нашел в урне порванный протокол, который велся в ходе судебного заседания. В нем было 156 исправлений, которые коренным образом меняли показания свидетелей...

– Если доказательства в пользу моего подзащитного будут в куче дерьма, а у меня при этом связаны руки, то я зубами буду доставать эти доказательства и достану их!

Эту фразу Борис Кузнецов произнес, когда его обвинили в нарушении принципов и этических норм защиты.

Юрий ТЕПЛОВ,
спец. корр. «Российского адвоката»

Под чужим флагом

«Опытные адвокаты помогут решить проблемы с недвижимостью...». «Юридическая фирма оказывает весь комплекс адвокатских услуг...». «Общаться с чиновником станет легко, если между ним и предпринимателем появится адвокат...». Подобного рода сообщения заполнили сегодня не только рекламные издания.

Что ж, людям действительно надо знать, где они могут получить квалифицированную юридическую помощь. Тем более что такая помощь гарантирована Конституцией России. Да вот беда: вся без исключения реклама (явная и скрытая) столь часто упоминаемых юридических фирм и контор собственно к адвокатской практике отношения не имеет. За громким именем обнаруживается либо коммерческая структура, либо юрист-общественник. Слова же «адвокат», «адвокатская помощь» и даже «бесплатная юридическая консультация» в контексте мелькающих объявлений и статей – не что иное, как своего рода «завлекалочка», «знак качества», призванный подчеркнуть солидность фирмы, а на самом деле взятый напрокат у других юристов – реальных адвокатов, объединенных в коллегии и подлинные юридические консультации.

Отнюдь не желаю умалять роль самодельных объединений правозащитников или юристов, оказывающих платные юридические услуги в соответствии с полученными на то лицензиями. Но человек, идущий за советом к юристу, полагаю, вправе представлять, с кем именно он имеет дело и на какую помощь может рассчитывать. Получит ли он действительно квалифицированный совет или наукообразное сочувствие своему горю? Завершится ли встреча пожеланием успеха в единоборстве с оппонентами или написанием обоснованной жалобы, ходатайства, искового заявления, а при необходимости и поддержкой на всех стадиях административного или судебного разбирательства? Будут ли, наконец, приняты во внимание материальное положение просителя и

суть его проблемы для полного или частичного освобождения от платы за оказанную помощь?

Между тем объем и качество этой помощи как раз и зависят от того, кто ее оказывает – отзывчивый общественник, платный юрист-лицензиат или адвокат, чьи особые права и обязанности четко определены законом. При всем желании помочь человеку никто, кроме адвоката, не вступит в дело в качестве защитника. И именно коллегиям адвокатов, их юридическим консультациям предписано в определенных законом случаях оказывать помощь бесплатно.

Ну ладно, иной редактор и сам не разберется, где юридическая помощь, а где платная услуга. Но ведь и крупные чиновники, хозяйственники нередко путают одно с другим, упоминают всуе адвокатское сообщество. Если верить, допустим, газете «Экономика и право», то президент Московской торгово-промышленной палаты Юрий Котов предложил, а в столичной мэрии одобрили идею создать некий центр для защиты предпринимателей. Причем назвать его намерены «Коллективный адвокат». Поскольку «адвокатская поддержка» способна обеспечить «как предварительное консультирование клиентов, так и непосредственное участие высококвалифицированных специалистов в различного рода конфликтных ситуациях».

Но позвольте, таким образом адвокатские объединения не создаются! Закон предусматривает для этого иную процедуру. Да и зачем, собственно, изобретать велосипед? Адвокаты и без того оказывают юридическую поддержку предпринимателям, и президенту Московской ТПП при желании сотрудничества достаточно лишь сообщить об этом в любую коллегия адвокатов.

Знать, снова мы имеем дело с попыткой воспользоваться чужим флагом и престижем. А это ведь совсем не безобидно. Мало того, что гражданин, бизнесмен, поверившие рекламе, могут нарваться на некомпетентного советчика, – страдает авторитет подлинных защитников наших прав – членов адвокатского сообщества.

Леонид ТИУНОВ,
спец. корр. «Российского адвоката»

Африканская история

Из далекого поселка с экзотическим названием Африканда, что в Мурманской области, в редакцию «Российского адвоката» обратилась бывший военнослужащий Вера Александровна Голикова. Ситуация у нее сложилась более чем неприятная: уволили с военной службы в связи с достижением предельного возраста (45 лет). Причем заверили: раз прослужила более 13 лет, то будет назначена военная пенсия. А пенсию не назначили. Поскольку общий трудовой стаж у женщины оказался 23 года и 6 месяцев вместо необходимых 25. Правда, нашелся какой-то «знаток», посоветовавший отработать в части недостающие полтора года в качестве вольнонаемной, и тогда, мол, уж точно будет назначена военная пенсия. Отработала - В. Голикова этот срок, а пенсия, оказывается, опять не положена, так как она назначается... только при увольнении с военной службы. Круг, что называется, замкнулся.

По просьбе редакции письмом нашей читательницы занялись опытные адвокаты, специалисты военного права. Изучив обстоятельства увольнения Голиковой с военной службы, они пришли к выводу, что командование допустило целый букет нарушений. И прежде всего нарушило статью 22 закона «О статусе военнослужащих», согласно которой женщину-военнослужащего не имели права увольнять с военной службы, если даже ей исполнилось 45 лет, но она еще не приобрела права на получение пенсии по линии Минобороны.

Установив все это, от имени Веры Александровны было составлено исковое заявление в военный суд Мурманского гарнизона, и уже через пару месяцев наша читательница держала в руках решение, которым она восстановилась на военной службе.

Остается пожелать, чтобы и другие письма, что приходят в журнал «Российский адвокат», решались на местах столь же быстро и справедливо. Впрочем, редакция прилагает все усилия, чтобы так оно и было.

*Прекрасная вещь – компьютер.
Одно неудобство: держа в руке дискету,
нипочем не узнаешь, что на ней записано.*

Процессуальная шутка

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НА ДИСКЕТАХ

Самвел КАРАХАНЯН,
член Московской областной
коллегии адвокатов,
аспирант МГУ

С развитием технических средств обработки информации они все активнее стали применяться субъектами хозяйственной деятельности и в настоящее время используются практически повсеместно – как при ведении бухгалтерского учета, так и при совершении сделок и безличных расчетов. Благо, что юридическая основа для осуществления всех этих операций имеется.

Еще в 1985 году Минфин СССР приказом №105 утвердил действующее ныне Положение о документах и документообороте в бухгалтерском учете, которым предусмотрено, что и первичные, и сводные учетные документы могут составляться не только на бумажных, но и на машинных носителях информации. Впоследствии эту норму закрепил федеральный закон «О бухгалтерском учете» (п.7 ст.9). А Центральный банк РФ письмом от 9 июля 1992 года №14 утвердил Положение о межбанковских расчетах, узаконив обмен данными также и на машинных носителях. Да и Гражданский кодекс РФ (п.2 ст.434) позволяет заключать письменные договоры, опять-таки используя достижения техники – электронную, факсимильную и иную связь.

Однако новые технологии принесли и свои проблемы. Даже скрупулезное соблюдение указанных выше норм не избавляет предпринимателей и оказывающих им юридическую поддержку адвокатов от ситуаций, когда последнее слово принадлежит не закону, а субъективному мнению того или иного долж-

ностного лица. Дело в том, что если сама возможность использовать современную технику для хозяйственной практики имеет достаточную правовую базу, то порядок использования полученной таким образом информации регламентирован пока еще слабо. И если возникает конфликт, то не обходится без недоразумений. Ибо стороны подчас бьются вольны трактовать содержание, скажем, одной и той же дискеты каждая по-своему. По ней же визуалью не определишь, что она несет! Не определишь и с компьютером, вносились ли в изначальную информацию какие-либо изменения.

Особенно остро эта проблема проявляется при разрешении споров, связанных с налогообложением предприятий и организаций. Налоговые органы, как известно, наделены правом изымать у налогоплательщиков «документы, свидетельствующие о сокрытии или занижении прибыли (дохода) или сокрытии иных объектов от налогообложения» (п.7 ст.7 закона «О государственной налоговой службе РСФСР»). Но в стремлении уличить потенциального укрывателя доходов инспекторы нередко изымают не только собственно документы, то есть оформленные должным образом бумаги, но и магнитные носители информации – дискеты или сам компьютер. Тогда-то и оказываются конфликтующие стороны в правовом тупике. Поскольку обе равно убедительно доказывают, какая именно информация хранилась в компьютерной «памяти» в момент изъятия.

Причем для предпринимателей сей «тупик» предстает более безысходным. В лучшем случае на них так и остается пятно подозрения в нечестном ведении дел. А бывает, что аргументы обвинения (это же госструктура!) покажутся суду достаточными, и тогда к моральным издержкам добавляются и официальные санкции за несовершенные правонарушения.

Так случилось, например, с небольшой фирмой, занимавшейся торговлей бензином в Смоленской области. Налоговая инспекция заподозрила ее в сокрытии доходов и однажды произвела там форменный обыск, хотя уголовное дело против бизнесменов не возбуждалось и никаких санкций, понятно, не было. Тем не менее, обнаружив в компьютере некие данные, якобы уличающие бизнесменов в нарушении налогового законодательства, проверяющие увезли компьютер с собой. А вскоре вынесли постановление о взыскании с фирмы штрафа в размере двух миллиардов рублей. И что вы думаете? Когда представители фирмы заявили, что те компьютерные данные никакого отношения к делу не имеют и вообще не могут служить основанием для санкций, поскольку добыты с нарушением закона, арбитражный суд

все же признал действия налоговиков правильными, а штраф законным. И только кассационная инстанция поставила все по своим местам.

Отчего же так происходит и как избежать подобного хода событий?

Для начала вспомним, что говорит закон о судебных доказательствах вообще и о тех из них, что подготовлены с помощью электроники. Суду, как известно, всевозможные сведения могут доставляться лишь в определенной форме, а именно в виде письменных и вещественных доказательств, в виде объяснений сторон, заключений экспертов и показаний свидетелей. Стало быть, и сведения, подготовленные с помощью технических средств, должны быть отнесены к одному из этих видов доказательств.

К какому именно, видно из инструктивных указаний Госарбитража СССР от 29 июля 1979 года №И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники». Уже пункт 1 этих указаний разъясняет, что извлеченные из недр электроники сведения принимаются судами исключительно «в качестве письменных доказательств». А далее (п.п.4, 9) уточняется, что эти сведения могут быть использованы как доказательства по делу «только в том случае, когда они преобразованы в форму, пригодную для обычного восприятия и хранения в деле». То есть обретет форму классического документа: на бумаге, со всеми необходимыми реквизитами и подписью должностного лица.

Чтобы исключить на сей счет всякие сомнения, добавлю, что именно перечисленные условия (распечатка компьютерного текста, снабжение его реквизитами и подписью) формулирую для признания компьютерных данных в качестве полноценного документа также и федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. ст. 2,5), и соответствующий государственный стандарт (ГОСТ 6.10.4-84).

Из сказанного следует что ни дискета, ни компьютер с его жестким диском сами по себе не могут служить средством доказывания хранящейся в них информации. Как не может служить уликой любой предмет, изъятый без соблюдения процессуальных правил. И стало быть, изымая у потенциальных нарушителей налогового законодательства электронные средства ведения учета, представители власти сами грубо нарушают закон и к тому же лишают себя возможности использовать полученную с помощью этих средств информацию для доказывания тех или иных деяний подозреваемых.

Известно же, что в суде, в том числе арбитражном, «не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» (ч.2 ст.52 АПК РФ).

Таким образом, у налоговых органов нет никаких оснований толковать упомянутое в пункте 7 статьи 7 закона о госналоговой службе слово «документ» расширительно и изымать в ходе проверки наряду с реальными документами также и магнитные носители информации.

Примечательно, что к тому же выводу мы приходим, и проанализировав инструкцию «О порядке изъятия должностным лицом Государственной налоговой инспекции документов, свидетельствующих о сокрытии (занижении) прибыли (дохода) или сокрытии иных объектов налогообложения...» (приказ Минфина РСФСР 1991 года №16/176). Так, пункт 9 этой Инструкции гласит, что лицо, производящее изъятие документов, подвергает их тщательному осмотру в местах хранения, а в случае непригодности их к осмотру недооформленные тома документов (неподшитые, пронумерованные и т.д.) в его присутствии оформляются должностными лицами предприятия, учреждения, организации. Ясно, что все указанные действия могут быть произведены только по отношению к документам в их классическом виде, то есть на бумажном носителе.

Так что если налоговые органы все же идут на нарушение законодательства и изымают до возбуждения уголовного дела магнитные носители информации, то адвокаты пострадавших имеют полное право обжаловать такие действия.

В заключение хочу обратить внимание коллег на то, что недопустимость изъятия электроники в ходе проверок, осуществляемых по правилам закона о госналоговой службе, относится как к органам налоговой инспекции, так и к налоговой полиции. Другое дело, что налоговая полиция вправе осуществлять также оперативно-розыскные мероприятия, дознание и предварительное следствие, в ходе которых производит действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. В таких случаях дознаватели и следователи налоговой полиции вправе, разумеется, производить и обыски, и выемки любых заинтересовавших их бумаг и иных предметов, в том числе и технических средств обработки и хранения информации. Но это, повторяю, происходит уже по правилам УПК, то есть только после возбуждения уголовного дела. И в этой ситуации уже свои, совсем иные проблемы, о чем сегодня мы говорить не собирались.

Д Н Е В Н И К ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ Д А Т ОТМЕЧАЕМ В ДЕКАБРЕ

300 лет российским орденам

10 декабря (30 ноября) 1698 года Петр I учредил первый российский орден – Святого Андрея Первозванного. Ныне он является высшим знаком отличия РФ.

290 лет российским губерниям

29 (18) декабря 1708 года указом Петра I «для всенародной пользы» в стране образованы первые шесть губерний: «Ингерманландская (Петербургская), Киевская, Казанская, Сибирская и Азовская. Во главе их стояли губернаторы с аппаратом управления».

50 лет Всеобщей декларации прав человека

10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, провозгласившую равенство всех людей перед законом, их неотъемлемые права на свободу, личную неприкосновенность, труд, социальное обеспечение и др.

40 лет принудительному лечению алкоголиков

15 декабря 1958 года ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками». Повсеместно запрещалась продажа водок «крестьянской выработки», а также любой водки – на вокзалах и в столовых. В ресторанах ее отпускали по 100 г на посетителя. Вводилось принудительное лечение от алкоголизма.

20 лет «переброске» рек

21 декабря 1978 года по постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР развернуты проектные работы по переброске части стока северных и сибирских рек в южные районы страны. Речь шла о пополнении водных ресурсов Средней Азии, Казахстана и бассейна Волги.

5 лет новой Конституции России

12 декабря 1993 года на референдуме принята ныне действующая Конституция РФ. Ее поддержали более 60 процентов принявших участие в референдуме. Одновременно состоялись первые выборы в Федеральное собрание РФ.

Фото Рудольфа РЯЗАНЦЕВА

Года четыре назад член Московской городской коллегии адвокатов Лариса МОВЕ опубликовала в газете «Коммерсант-дейли» статью «Как РУОП помог потерпевшему избавиться от долгов». Некто взял в банке кредит в полмиллиона долларов наличными и хотел элементарно, как говорят в просторечии, заныкать денежки. Попытки банкиров напомнить должнику о чести и совести успехом не увенчались. Требования же вернуть долг, сопровождаемые обычной ныне угрозой постановления «на счетчик», обернулись для кредитора совершенно неожиданной стороной. Должник обратился в милицию с жалобой на вымогательство. И вскоре при поддержке РУОП он превратился в потерпевшего, а кредитор (заимодавец, веритель – сторона в обязательстве, имеющая право требовать от другой стороны (дебитора, должника) совершения каких-либо действий – энц.) – в обвиняемого. Банкиров взяли под стражу.

Два года Лариса Мове и ее коллеги-адвокаты потратили на то, чтобы изменить меру пресечения им, как своим подзащитным. Жесткая по сути публикация в «Коммерсанте» – подлинный вызов не только одной из мощнейших структур МВД, но и всей системе правоохраны – прозвучала громким заключительным аккордом в деле.

ЗАЛОЖНИКИ И ПОХИТИТЕЛИ

Валерий Рязанцев, наш корр.: Лариса Абрамовна, то, что вы ввязались в схватку с монстром, для знающих вас – не диво. Необычна гласная открытость позиции защиты в сложнейшем, согласитесь, деле. Все-таки здесь фигурировало и применение силы вне рамок закона со стороны кредиторов...

Лариса Мове: Есть закон и есть толкование закона. Так вот мы, адвокаты, и те, кто обязан стоять на страже права, часто по-разному, а порой и диаметрально противоположно толкуем закон. Мы – в интересах прав и свобод личности, они – в пресловутых, слабо осязаемых из-за своей аморфности государственных интересах.

Человек взял в долг сумму, обязан отдать деньги. Но он либо тянет время, либо вообще исчезает. Заурядное мошенничество. Однако попробуйте возбудить против него дело, даже если его найдут, доставят к следователю, дознавателю, прокурору. Он тут же напишет собственной рукой: у меня сорвалась сделка, обязуюсь вернуть весь долг.

Между тем речь идет не о рублях, а о крупных суммах, о фирмах, которые имеют свою службу охраны, юридическую, коммерческую службы. Они ищут варианты, при этом вынуждены использовать все возможности для возвращения своей собственности, вплоть до тех, что на грани закона и произвола.

Но даже если должника держат в изоляции, даже если при этом используют какие-то недозволённые методы, это еще не означает, что его похитили, то есть что здесь все признаки статьи о похищении человека. Юридические ситуации с возвращением долгов и похищением с требованием выкупа совершенно разные.

В. Рязанцев: Давайте в таком случае определимся, что такое похищение человека. Есть ли у защиты возможности и какие для переквалификации обвинения?

Л. Мове: В законодательстве в этом плане каша несусветная. Вот передо мной учебник «Уголовное право России» 1996 года издания. Страница 58 – «Преступления против личной свободы». Статья 126: «Объективную сторону похищения человека образуют тайные и открытые деяния, завладение или захват живого человека, сопряженные с последующим ограничением его свободы». Статья 127: «Объективную сторону незаконного лишения свободы составляет насильственное удержание человека в каком-либо помещении путем водворения в него»...

Объясните мне разницу... Между тем ответственность за незаконное лишение свободы в три-четыре раза меньше, чем ответственность за похищение.

В. Рязанцев: И каково соотношение таких ситуаций в судебных процессах?

Л. Мове: Согласно статистике, в девяти случаях из десяти – не похищение, а истребование долга, в шести случаях из девяти вы не обнаружите силового воздействия.

Показательна в этом отношении история с моими клиентами из Уфы. Уфимское моторостроительное объединение продало в Москве частному товариществу 260 автомобилей «Москвич». Деньги уфимцам не выплатили.

Директор частной фирмы растворился где-то в голубых далах заграницы, в Москве остались начальник отдела сбыта и его заместитель. К ним-то представители завода и поехали выяснять что и как. У

подъезда офиса они увидели одну из проданных машин. Начальник съезда объяснил, что эту машину он оформил на себя. А деньги?

В ответ услышали:

— Какие деньги? Забирайте машину, если она ваша.

Что оставалось делать? Забрали техпаспорт, машину, поставили ее на платную стоянку. А налуганные начсбыта и его зам подали заявление в милицию, что у них забрали машину, что их самих чуть ли не пытали. Представителей моторостроительного объединения тут же арестовали. Их признали виновными в грабеже, а на каждой странице приговора отметили: судом установлено, что корыстных целей подсудимый не преследовал.

В. Рязанцев: Как это — грабеж, но корыстных целей не преследовал?

Л. Мове: А вот так. Только в городском суде в кассационном порядке удалось доказать, что было не похищение, а лишь незаконное лишение свободы. Ну и самоуправство, потому что сами, без вмешательства милиции или суда, отобрали машину...

К сожалению, у нас мало кто задумывается, в чем разница между незаконным лишением свободы и киднеппингом, который, с точки зрения толкования, и имел в виду законодатель. Киднеппинг — это действительно серьезно, это действительно опасно. Это прежде всего способ противозаконного зарабатывания средств. Некоторые же «специалисты юриспруденции» считают похищение «насилованным изъятием человека из привычной для него социальной среды».

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

В. Рязанцев: Но в таком случае и действия нашей родной милиции, выступающей от имени государства, — чаще частого не что иное, как «насилованное изъятие человека из привычной для него социальной среды» по одному лишь подозрению или намеку на оное. Значит, и сотрудники правоохранительных органов «ходят под Богом», то есть могут привлекаться по статье 127 — за похищение людей?

Л. Мове: Поворот интересный, но, пожалуй, романтический. Вот законом установлено, что если человека держат в милиции более трех часов без оформления протокола о задержании, виновники должны нести ответственность по статье о незаконном лишении свободы. Но сама статья не завершается указанием конкретных мер этой самой ответственности. Значит, что? Никто никогда в таких ситуациях не бывает наказанным.

Так же вот, по подозрению, задержали в свое время руководство крепкого тогда «Континент-банка». Мой подзащитный, вице-президент этого банка, обвинялся в том, что он якобы нанял не установленное следствием (!) лицо, которое 20 апреля 1995 года убило майора налоговой полиции Маркова.

Мне сразу пришлось войти в дело. В течение двух месяцев шла непонятная игра. К следователю даже приставили группу охраны из состава физической защиты налоговой полиции. Такая убийственная «аргументация» версии...

Потом меня пригласили якобы поговорить, как мой клиент чувствует себя в условиях несвободы. Каждому из трех собеседников я выдала разную, но взрывоопасную информацию.

В. Рязанцев: Для чего, если не секрет? С огнем же играли?

Л. Мове: Такая уж профессия. Где закон и логика бессильны, приходится хитрить. Но того, что последовало дальше, честно говоря, я не ожидала. Беседовали мы в пятницу, а в субботу, после «Гоним на выживание», я поехала к приятелям на дачу. На спидометре — 80. Замечаю, что мой «Москвич» начинают прижимать сзади «Ауди», спереди «Мерседес» без номеров, с тонированными стеклами. Взяли в «коробочку», жмут к обочине.

Остановилась. Из машин высыпали человек шесть-семь в спортивных костюмах. Сразу подумалось: работают под бандитами, но работают плохо. Трое подошли к окну. С места в карьер:

— Где документы? Что вы намерены с ними делать?

— Ну, это уж, позвольте...

— Вы же знаете, по-разному бывает...

Один из них достает пистолет и стреляет мимо моей головы из окна в окно. Хотя впереди остановка, люди, никто не реагирует.

— Вот видите, никто ничего и не заметит... Мы вас предупредили.

Повернулись и уехали...

На следующий день звонок из консультации:

— Лариса Абрамовна, пришла телефонограмма: «Вам надлежит явиться для производства следственного действия по адресу Кутузовский проспект, 33, подъезд 10. Следователь». Странно, не правда ли?

В. Рязанцев: Если дело ведет Бутырская прокуратура, следователь работает в основном в «Матросской тишине», курирует производство прокуратура города, а вызывают на Кутузовский проспект...

Л. Мове: Прозондировала почву по своим каналам, выяснила, что там вроде бы какая-то нелегальная квартира. Думаю, приеду туда, а там вдруг выяснится, что я на крыше машины гранаты возжу или в кармане наркотики. Явная провокация...

Разозлилась и дала телеграмму на имя тогдашнего и.о. Генерального прокурора Ильашенко, копия прокурору Москвы Герасимову, еще одна — окружному прокурору. В ней, в частности, такие фразы: «Настоящим извещаю, что проводить следственные действия в подъезде, на территории, не имеющей отношения к событиям, не номерно. Прошу вызвать в строгом соответствии с УПК». Больше попыток оппонентов воздействовать на защиту не было...

В. Рязанцев: Ходы неординарные, но, получается, точные, значит, просчитанные. Из каких соображений вы исходили, решаясь на новый конфликт с правоохраной?

Л. Мове: Единственное, чего власти всегда боятся, — огласки, поэтому я тут же пошла в прессу. Вышли публикации в «Деловом мире», еженедельнике «Век», в «Курантах», «Коммерсанте»... Дело передали в прокуратуру города. В течение недели моего подзащитного освободили, дело прекратили в связи с отсутствием состава преступления. Значит, ничего преступного он не сделал, а за что отсидел пять с лишним месяцев? В каком качестве? Подозреваемого? Обвиняемого? Заложника?.. Кто ответит? А никто...

В. Рязанцев: Наше государство традиционно, в лице бездородных своих слуг вольно поступает со своими же гражданами. Получается, оно само порождает чуждые сути государственности понятия «государственный рэкет», «государственное заложничество», «государственное беззаконие».

Л. Мове: У меня такое ощущение, что мы в своей стране все друг друга тихо ненавидим. Причем идет как бы своего рода конкурс, кто кого больше не любит. Государство издает нормативные акты, которые рассчитаны на то, что мы с вами заведомо нечестны. Нормально жить становится просто невозможно, и мы вынуждены становиться хитрее государства.

В. Рязанцев: Вы всегда на стороне заложников выступаете?

Л. Мове: По-разному. Не хочу сказать, что у нас нет криминала, нет бандформирований. Но все это перешло в иное качество. Настоящие бандиты ныне в других «эшелонах», в ином обличье, а мы все продолжаем наивно играть в «казачки-разбойники».

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации

• На коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации рассмотрены результаты обобщения практики прокурорского надзора за исполнением федеральных законов «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», «О беженцах», «О вынужденных переселенцах». Прокурорские проверки выявили факты принятия представительными и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и соответствующему федеральному законодательству. Органы власти зачастую неправомерно наделяют милицейские службы правом чинить искусственные препятствия гражданам, прибывающим в определенные местности.

Коллегия отметила слабый контроль за работой паспортно-визовых служб со стороны аппарата МВД России. Эти службы практически повсеместно нарушают права граждан, незаконно отказывая им в регистрации, зачастую предпочитая не закон, а местные инструкции.

В 1997 г. и в ходе организованной в 1998 г. Генеральной прокуратурой проверки внесено более 300 представлений, опротестовано около 300 незаконных правовых актов, привлечено к административной ответственности около 400 человек, к дисциплинарной ответственности – 22 человека, возбуждено семь уголовных дел.

Правительство Российской Федерации проинформировано о результатах работы коллегии и выявленных нарушениях миграционного законодательства.

• Генеральный прокурор РФ Юрий Скуратов дал указание всем прокурорам субъектов Федерации срочно проверить законность принимаемых решений, которыми приостанавливаются перечисления налоговых и иных платежей в федеральный бюджет. Генеральный прокурор потребовал от подчиненных прокуроров принять решительные меры по пресечению допущенных нарушений, задействовать в этой работе весь арсенал мер прокурорского реагирования, вплоть до возбуждения уголовных дел и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

• Прокуратурой Тверской области закончено расследование и направлено в областную суд уголовное дело по обвинению заместителя губернатора Тверской области Виктора Волкова. Он был привлечен к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий, причинивших тяжкие последствия, а также за получение взятки в крупном размере в виде имущества предприятия стоимостью свыше 1 миллиарда 200 миллионов неденоминированных рублей, за незаконные действия в пользу взяткодателя. Волкову предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.286 ч.3 п.«в» и 290 ч.4 п.«г» УК РФ.

• Главным следственным управлением Генеральной прокуратуры РФ завершено расследование уголовного дела, возбужденного в декабре 1996 года прокуратурой Краснодарского края в отношении банды, состоящей из числа так называемых казаков Тимашевского и других районов Краснодарского края. Преступная группа в составе более двадцати человек, возглавляемая сотником Сергеем Доманиным (убитым во время перестрелки при задержании) и есаулом Андреем Трифоновым, в течение 1996–1997 годов похищала людей, занималась вымогательством, совершала разбойные нападения на граждан и другие тяжкие преступления.

• Генеральной прокуратурой Российской Федерации утверждено заключение по материалам уголовного дела №50888 в отношении Нуреева Рудольфа Хамитовича. Он реабилитирован на основании п.а ст.3 закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

Публикация подготовлена по материалам Центра информации и общественных связей Генеральной прокуратуры РФ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Нынешняя осень подарила адвокатскому сообществу немало юбилейных торжеств. Знаменательные даты в своей жизни отметили:

80 лет со дня рождения – Леплевский Рафаил Григорьевич и Морозова Антонина Васильевна, члены Московской областной коллегии адвокатов;

75 лет со дня рождения – Гаев Владимир Григорьевич, член коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; Черейская Тамара Мавриковна, член Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов; Москалев Алексей Владимирович, член Межреспубликанской коллегии адвокатов; Авдеев Павел Прохорович, член Московской областной коллегии адвокатов; Криппа Леонид Иосифович, Мухин Валерий Васильевич и Шульруфер Майор Самойлович, члены Московской городской коллегии адвокатов;

70 лет со дня рождения – Янгаев Иван Федорович, член Межреспубликанской коллегии адвокатов; Ефимов Юрий Александрович и Савельева Миляя Константиновна, члены Московской областной коллегии адвокатов; Седова-Шмелева Лидия Михайловна, Бессонова Валентина Николаевна и Калпан Марина Абрамовна, члены Московской городской коллегии адвокатов;

60 лет со дня рождения – Боровкова Дина Борисовна, член Астраханской межтерриториальной специализированной коллегии адвокатов; Виноградова Валентина Николаевна и Редькин Дмитрий Николаевич, члены коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; Авербах Марк Израилевич, Захарова Лора Павловна, Решетницкая Александра Ильинична и Розум Анатолий Семенович, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов; Андреев Владимир Васильевич, Егущенко Надежда Ивановна, Кириллов Кирилл Кириллович, Морозова Раиса Михайловна, Север Владимир Ефимович, Смирнов Анатолий Андреевич, Табашный Борис Васильевич и Успенский Олег Алексеевич, члены Московской областной коллегии адвокатов; Якубова Галина Гулямовна, Васин Вячеслав Петрович и Румянцева Рина Абрамовна, члены Московской городской коллегии адвокатов;

50 лет со дня рождения – Рожин Александр Прокопьевич и Солова Людмила Михайловна, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов; Коженков Виктор Григорьевич, Миронова Галина Георгиевна, Постникова Елена Аркадьевна и Сафиханов Ряшит Абдулберович, члены Межтерриториальной коллегии адвокатов; Батракова Зинаида Александровна, Величко Галина Георгиевна, Кузнецова Нина Анатольевна, Мищенко Таисия Трофимовна, Федоренко Николай Иванович, члены коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; Аксенов Александр Николаевич, Андреев Владимир Витальевич, Антонян Гайк Бахшиевич, Дубков Валентин Александрович, Новицкая Валентина Николаевна, Панов Виктор Иванович и Саложникова Ольга Яковлевна, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов; Бородавкин Борис Иванович, Бутров Евгений Иванович, Кичук Федор Федорович, Кривченко Валерий Петрович, Маслов Владимир Александрович, Осипов Евгений Валентинович, Пермякова Нина Павловна и Щербакова Зоя Александровна, члены Московской областной коллегии адвокатов; Боренбойм Петр Давидович и Хейфец Михаил Самуилович, члены Московской городской коллегии адвокатов.

Журнал «Российский адвокат» горячо поздравляет юбиляров. Желаем коллегам доброго здоровья и новых успехов на благородном поприще правозащиты.

Куда девался подозреваемый?

Владимир КЛОЧКОВ,
прокурор
отдела
Генеральной
прокуратуры
Украины,
старший
советник
юстиции

Не удивляйтесь, уважаемые коллеги, тому, что это письмо из Киева, от работника украинской прокуратуры. Вопрос, побудивший меня обратиться к вам, знаю, беспокоит и моих российских коллег.

Дело в том, что в последнее время органы дознания и следствия все реже выносят постановления о признании лиц подозреваемыми в том или ином преступлении. Прямо-таки на глазах исчезает из нашей практики эта заметная процессуальная фигура. словно преступников задерживают исключительно на месте преступления, когда все предельно ясно. Но ведь это не так. Обычно на человека сначала падает подозрение, и лишь затем появляются основания для предъявления ему обвинения. Вот эти естественные стадии развития событий и предлагает фиксировать введливый УПК. А дознаватели и следователи старательно обходят его требования. Почему же?

Вообще-то наших товарищей понять можно. Подозреваемый, если ему грозит наказание в виде лишения свободы, чаще всего заключаются под стражу. Это означает, что уже через десять дней ему должно быть предъявлено обвинение. А этого срока не всегда достаточно для сбора необходимых улик. Но не отпускать же задержанного! Вот люди и страхуются: дают подозреваемому «погулять» и задерживают лишь тогда, когда могут почти одновременно предъявить ему обвинение. Да и процессуальных действий при этом оказывается меньше, меньше писанины.

Однако такое упрощение процедуры чревато большими проблемами для самого следствия (дознания). Ибо существенно нарушаются права того, на кого пало подозрение. Ведь его надо допрашивать. Его и допрашивают. Но в качестве кого? В качестве свидетеля. В результате содержание допроса приходит в противоречие с его процессуальной формой: человека предупреждают об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а допрашивают фактически о его собственной причастности к преступлению. Но ведь подозреваемый (признанный и непризнанный таковым) вовсе не обязан отвечать на любые вопросы, а любой гражданин не должен свидетельствовать против самого себя. Выходит,

что чем успешней окажется допрос, тем большими осложнениями он будет чреват для следствия. Ибо первый же адвокат потребует признать полученные в ходе допроса доказательства недопустимыми, полученными с нарушением закона и исключить их из используемых в суде. И если, скажем, именно на этом допросе получено признание человека в совершении преступления, то его у вас просто не будет.

Нет, отнюдь не напрасно закон четко определил все стадии уголовного процесса, в том числе и необходимость признания в тех или иных случаях кого-то в качестве подозреваемого. Перескакивать через эти стадии нельзя. Пусть добыть нужные показания у подозреваемого сложнее, чем у свидетеля. Зато соблюдаются права личности, и мы получаем уверенность в том, что выводы следствия получают подтверждение в суде.

Будем честными конкурентами

С большим интересом читаю журнал «Российский адвокат». Понимаю, что его смысл и значение определены его названием. И все же. Не могла бы редакция несколько расширить свою тематику и освещать также деятельность частных адвокатов, то есть тех, кто оказывает платные юридические услуги на основе соответствующей лицензии?

В поддержку своего предложения сошлюсь на статью А. Котенкова, полномочного представителя Президента РФ в Госдуме, опубликованную во втором номере журнала за 1998 г. Приведенная в статье формулировка, кого следует считать адвокатом, практически полностью относится и к нам, лицензиатам. Естественно, кроме условия о членстве в адвокатской коллегии. К тому же многие мои коллеги – это бывшие адвокаты, «добровольно-принудительно» переставшие быть таковыми по инициативе партийно-советских, а также правоохранительных органов (о несправедливых «наездах» на адвокатов со стороны последних вы не раз уже писали).

Пользуясь случаем, хотел бы сразу поставить вопрос о допустимости термина «частный адвокат». По-моему, он имеет право на жизнь, как уже ставший привычным нам термин «частный нотариус». Разумеется, частным адвокатом могли бы именоваться лишь те, кто того пожелает. Уверен, это не создало бы путаницы: адвокат и частный адвокат – не одно и то же. С другой стороны, нас действительно многое роднит. Например, оказание бесплатной юридической помощи. Иные лицензиаты оказывают ее не меньше, чем адвокаты. Сужу об этом по собственному опыту: до октября 1997 года сам работал завюрконсультациями в городах Гаврилово-Посад и Южа, а ныне еженедельно веду бесплатный прием ветеранов, инвалидов и так далее уже как лицензиат.

И еще один довод в пользу осуждения нашей профессии в «Российском адвокате». Тем самым журнал будет напоминать адвокатам о том, что существуем мы – их постоянные конкуренты. Да, мы конкурируем, и в этом нет ничего плохого. Замечу, что среди адвокатов трудится и мой сын Юрий, член Ивановской областной коллегии. Мы с ним не стесняемся признавать конкурентную суть наших отношений, но стараемся бороться за клиента честно. Правильно заметил в своей статье тот же Александр Котенков: «Для всех нас крайне необходимо, чтобы людям помогал действительно профессионал...». Здоровая конкуренция, на мой взгляд, – одно из условий повышения профессионального уровня.

Михаил КОРОЛЬКОВ, юрист-лицензиат
г. Южа Ивановской обл.

Фото Рудольфа РИЗАНОВА

Савле ГОГОЛАДЗЕ,
член Межреспубликанской
коллегии адвокатов

Ворсинки с модного пальто

Лера – художник-модельер известной фирмы. Несмотря на молодость, в работе преуспела. Даже что-то свое предложила на ниве модного пошива. Она очень обрадовалась, когда узнала, что случайный знакомый, Володя, с которым разговорилась у парикмахерской, тоже близок к знаменитым кутюрье. Поэтому тут же обменялась с ним телефонами и согласилась поехать вечером на показ мод.

Дома, правда, родители сразу заволновались: уж больно часто сообщают по телевизору о самых жутких историях, связанных с мимолетными знакомствами девушек и их опрометчивыми прогулками на авто. Но Лера показала половину сторублевки с записанным на ней телефоном Володи: «Можете проверить». Проверили, да, такой здесь проживает. Тем не менее, когда в назначенный час во двор многоэтажки въехал серый «Мерседес», мамаша вышла на балкон, чтобы хоть как-то убедиться в безопасности дочери. Увы, ее ждало новое огорчение: в машине вместе с Володей сидели еще какие-то парни, а номер машины... Номера на переднем бампере не было! Женщина уже собралась крикнуть, чтобы отставить поездку, но тут машина развернулась, и сзади у нее номер был. Перепуганная мамаша тот час его записала.

Нет, не обманули родителей дурные предчувствия. Все именно так и случилось, как многократно предупреждают теле- и радиосообщения. Ни на какой показ мод Лера не попала. А была вывезена за город, там избита и изнасилована. Хорошо еще, что не убили, а доставили в город, к станции метро. Насильники полагали, что она не захочет огласки. Но потрясенная случившимся девушка задалась целью привлечь обидчиков к ответу.

Сейчас, думаю, даже непрофессионалу станет ясно, сколь упростила необычная потерпевшая задачу следователей и будущих обвинителей. Она обратилась в поликлинику и получила официальное подтверждение побоев и акта насилия. Вместе с телефоном Володи и номером его машины это было уже немало для поиска и изобличения преступников. Но она еще нарисовала по памяти портреты всех трех участников насилия и назвала каждого по имени. Кстати, Володю и его машину нашли уже через пару дней. И обнаружили у него зажигалку, забытую Лерой, в машине – нож, которым инициатор насилия, Борис, угрожал девушке, а на заднем сиденье – обширные компрометирующие пятна...

Казалось, что уже вскоре все уличенные в преступлении предстанут перед судом. Но этого не произошло. Суд не состоялся ни через месяц, ни через два. Набравшее было обороты след-

ствие вдруг забуксовало. «Расколовшийся» на первых допросах Володя теперь отказался от своих показаний, начал изобретать всевозможные алиби, а его подельники, успевшие к моменту задержания устранить следы преступления с одежды, сразу заняли круговую оборону: ничего, мол, не видели, никого не трогали. Только через десять месяцев было утверждено обвинительное заключение, да и оно, как поняли Лера и ее родители из бесед со следователем, не обещало успеха в суде.

Дело в том, что все трое подозреваемых обзавелись достаточно опытными адвокатами, и те умело использовали недоработки сыщиков. Скажем, Володя не сообщил фамилии своих приятелей (может, и впрямь знал их только по именам), но, выйдя-таки на этих двоих, следствие не удосужилось правильно оформить их опознание многочисленными свидетелями и получилось, что прямо указывала на них как на участников злосчастной поездки только сама потерпевшая. «Это оговор!» – дружно заявили адвокаты и потребовали толковать их сомнение в пользу подозреваемых.

Поэтому особое значение приобретали результаты экспертизы характерных пятен, что были обнаружены на сиденье «Мерседеса». К сожалению, эксперты не пошли дальше утверждения о том, что следы «могли быть» оставлены насильниками, не указав, однако, на их принадлежность конкретным лицам. И ко всему этому почему-то был сменен прокурор, надзиравший над следствием с самого начала. Его преемник, как это бывает, отнесся к «чужому» делу без должной заботы. Словом, к моменту завершения следствия Лера и ее родители серьезно засомневались в возможности самостоятельно доказать в суде правду и потому обратились в нашу юридическую консультацию.

Изучив материалы дела, я согласился им помочь, хотя честно предупреждал о том, что время упущено и добиться справедливости нелегко. Разумеется, при этом я и словом не обмолвился относительно чрезмерного «усердия» адвокатов потерпевшей.

Они, как мне тогда казалось, добросовестно делают свою работу. Да и адвокатская этика не позволяет списывать собственные трудности за счет более удачливых коллег. Тем не менее уже сейчас

Рисунок Анастасии НАСЫРОВА

кое-какие подозрения по поводу их действий у меня все-таки возникли.

Один из задержанных, например, сразу отказался давать до суда какие-либо показания. А другой, Володя, среди фактов, якобы исключающих его участие в насилии, вдруг вспомнил о своей застарелой венерической болезни. Мол, случись у него контакт с потерпевшей, то обязательно «наградил бы» ее заразой. Такого рода «ходы» вряд ли изобрели сами подозреваемые, они не иначе действовали по подсказкам адвокатов, и значит, мои процессуальные оппоненты не брезговали любой возможностью ввести следствие и суд в заблуждение. Впоследствии, увы, появились и другие основания, чтобы думать именно так.

Я уже упоминал, что в центр дискуссии по этому делу выдвинулись результаты экспертизы подозрительных пятен на сиденье машины. К сожалению, эксперты обошлись допотопными методами исследования, что не позволило точно указать тех, кто оставил эти уличающие следы. Поэтому, вступив в дело, я прежде всего решил ходатайствовать о назначении повторной экспертизы, причем основанной на анализе генетической принадлежности следов. У каждого человека клетки ДНК уникальны, и их исследование способно дать вполне определенный ответ. Но к первому заседанию суда я, видимо, еще недостаточно оценивал изощренность моих оппонентов, и план мой провалился.

Предвидя мое отношение к результатам экспертизы, защитники также потребовали ее повторения. При этом указали конкретного эксперта, которому, дескать, доверяют подзащитные. Суд согласился с их доводами, тем более что тем самым как бы удовлетворялось и мое ходатайство. Хотя уже сама постановка вопроса о проведении экспертизы конкретным лицом не могла не показаться подозрительной. Я тут же предложил провести экспертизу комиссионно, с привлечением еще ряда специалистов. Но суд оставил ходатайство без рассмотрения.

А дальше оказалось еще хуже. Эксперт, работу которого, как выяснилось, оплатили родственники подсудимых, вовсе не нашел в подозрительном пятне следов насильников. Более того, он исключил и следы слюны потерпевшей, также обнаруженные первой экспертизой. Когда же в ходе судебного заседания я потребовал все-таки назначить комиссионную экспертизу, выяснилось,

что все биологические материалы... израсходованы. Это был воистину удар ниже пояса. Как можно полностью израсходовать материалы, которых обычно хватает на десяток экспертиз?!

Заготовили адвокаты подсудимых и еще один сюрприз: обзавелись соответствующими справками и вышли с ходатайствами об освобождении подзащитных из-под стражи. И суд (с учетом неопределенности последней экспертизы и при явном безразличии обвинителя) выпустил двух обвиняемых на волю: Володю – якобы как туберкулезника и инициатора насилия Бориса – якобы для ухода за престарелой матерью.

Тут уж я окончательно уверился в далеком от этических норм стиле работы моих оппонентов. Ведь напарники Володи в прошлом имели судимость, рассчитывать на их освобождение можно было, только предвидя (или зная) будущий результат экспертизы. Жаль, что такого рода подозрения не посетили в тот момент ни прокурора, ни судью. К моим же доводам они опять-таки не прислушались.

Таким образом, и второе заседание суда (через два года после преступления!) завершилось для меня практически нулевым эффектом.

И все-таки Бог, как говорится, правду видит, а шельму метит. Уже вскоре оба отпущенных из-под стражи насильника снова оказались за решеткой. Один в связи с подозрением в убийстве, другой в связи с попыткой угнать автомобиль. И эта, можно сказать, случайность вдруг побудила и прокуратуру, и судей как бы по-новому взглянуть на старую историю и то, что ей сопутствовало.

К участию в деле был возвращен прокурор, начинавший его. По моему ходатайству в очередное судебное заседание вызвали эксперта, отрицавшего результаты первой экспертизы. Из его ответов стала очевидной если и не заданность нового результата, то, по крайней мере, его неубедительность, а также откровенная небрежность в расходовании представленных материалов (доказать умысел на уничтожение материалов, согласитесь, вряд ли возможно). Словом, суд вернулся к первой, пусть и не очень устраивающей обвинение экспертизе. Тем не менее она ведь «не исключала» принадлежность следов подозреваемым, а следы слюны идентифицировала со слюной моей доверительницы.

В свете этих данных по-новому были оценены и другие: нож, принадлежавший инициатору насилия, первые показания Володи, честно рассказавшего, кто и что вытворял с девушкой, да и то, что все придуманные алиби подсудимых развалились одно за другим. Никогда Володя не болел ни туберкулезом, ни другими заразами. Зато эксперты однозначно указали на то, что несколько ворсинок с модного пальто девушки остались на пиджаке и брюках насильника.

Суд признал всех троих виновными в преступлении. Инициатор Борис получил 7, Володя – 5, их поделщик – 6 лет лишения свободы. Кассационная инстанция оставила приговор без изменений.

Что ж, можно вздохнуть спокойно и забыть это горькое дело? Нет, не получается. Ведь для того, чтобы восторжествовала справедливость (при изначально благоприятных для этого обстоятельствах), потребовалось три года! Три года молодая, красивая, талантливая девушка мучилась стыдом и обидой. Три года подонки уходили от ответственности и даже успели совершить новые преступления.

Почему это оказалось возможным? Конечно, из-за слабости наших следователей и прокуроров, непоследовательности судей, ограниченных возможностей экспертных учреждений. Но свою лепту, полагаю, внесли и адвокаты подозреваемых, подследственных, подсудимых. Используя авторитет нашей профессии, они не только разрушали сомнительные доводы обвинения (это их право и обязанность), но пытались увести преступников от ответственности негодными приемами. Может, конечно, я ошибаюсь, но уж больно заметными были их попытки ввести всех нас в заблуждение. Очень рассчитываю на то, что рассказанная история послужит уроком для тех коллег, кто еще не в ладах с нашей профессиональной этикой.

жившейся практике для того, чтобы жалоба была рассмотрена Верховным судом РФ, она предварительно должна быть рассмотрена по существу в нижестоящем суде.

Рассмотрением жалобы по существу в нижестоящем суде является вынесение по делу постановления президиума Верховного суда Республики Коми. Данное решение может быть обжаловано вами в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации, которая в результате рассмотрения должна вынести по вашему делу определение. Оно может быть обжаловано в президиум Верховного суда Российской Федерации. Постановление президиума Верховного суда РФ является окончательным судебным решением по

боды с отбыванием в колонии строгого режима. Я написал кассационную жалобу в Орловский областной суд, и 30 августа 1995 года решением этого суда приговор был отменен, а дело передано в районный суд для нового рассмотрения. После этого рассмотрение дела неоднократно откладывалось, и наконец 27 декабря 1996 года судебное заседание было проведено и дело направлено на дополнительное расследование. Новое заседание суда должно было состояться 26 марта 1997 года, однако состоялось только 21 апреля того же года, и дело было вновь направлено на дополнительное расследование. 17 ноября 1997 года судом была

«Осужден из сфры»

Решил обратиться к вам с просьбой об оказании правовой помощи. Как видите по адресу, я осужден, причем считаю свою виновность недоказанной, а осуждение несправедливым. Поэтому я прошу вас выслать в мой адрес порядок обжалования приговора снизу доверху. Какая очередность обращения в прокуратуру? Какие документы мне необходимо иметь при отправлении надзорной жалобы? Какие документы я вправе получить из инстанции, которая рассматривает мою жалобу? Как отличить отписку от действительно рассмотренной жалобы? Также прошу вас выслать мне рекомендации, которыми я вправе руководствоваться при написании надзорной жалобы. Надеюсь на ваше доброе расположение по затронутым мною вопросам.

С. Сморгалов, учреждение ОС 34/1, г. Сыктывкар

Приговор, вступивший в законную силу, может быть пересмотрен лишь в порядке надзора. Однако пересмотр в порядке надзора, в соответствии со статьей 371 УПК РСФСР, допускается лишь по протесту того прокурора, председателя суда и их заместителей, которым это право предоставлено законодательством. В вашем случае такими лицами являются председатель Верховного суда Республики Коми и прокурор Республики Коми. На их имя вы можете обратиться с жалобой на нарушения, допущенные при производстве по уголовному делу в отношении вас, и просьбой о пересмотре дела. Также правом принесения протеста на приговор любого суда Российской Федерации наделены Генеральный прокурор РФ, председатель Верховного суда РФ и их заместители, однако по сло-

вашему делу. В настоящее время, в связи со вступлением Российской Федерации в Совет Европы и признанием юрисдикции международного Европейского суда в г. Страсбурге, после исчерпания всех внутренних средств правовой защиты гражданам предоставляется возможность обжалования решений местных судов в Европейский суд. Однако правила обжалования пока еще не разработаны, и этот механизм не начал действовать для нашей страны.

Законом не устанавливаются какие-либо требования, предъявляемые к составлению надзорной жалобы. Она излагается в свободной форме и в целом должна содержать:

- 1) наименование суда, которому адресуется жалоба;
- 2) данные о лице, подавшем жалобу (его процессуальное положение), его место жительства или местонахождение;
- 3) наименование приговора или иного решения, которое обжалуется, и наименование суда, постановившего это решение;
- 4) доводы лица, подавшего жалобу, в чем, по его мнению, заключается неправильность приговора или иного решения, в чем состоит его просьба;
- 5) перечень прилагаемых к жалобе материалов;
- 6) подпись лица, подавшего жалобу.

К жалобе должны быть приложены копии приговора и иных вынесенных по делу решений.

Я был задержан 26 февраля 1995 года и мне было предъявлено обвинение по статьям 162 части второй, 166 части четвертой и 222 части четвертой УК РФ. 11 июля 1995 года состоялся суд, его решением я был приговорен к девяти годам лишения сво-

рассмотрена моя жалоба на содержание под стражей, однако мера пресечения была оставлена прежней. 2 февраля 1998 года наконец состоялось очередное заседание суда и дело вновь было направлено на дополнительное расследование, так как не были выполнены требования предыдущих судов. Все это время я нахожусь под стражей. Есть ли такой закон, ограничивающий сроки всей этой судебной и следственной волокиты, ограничивающий сроки моего содержания под стражей? Есть ли какие-либо основания, чтобы изменить мне меру пресечения на подписку о невыезде? Прошу вас дать разъяснения по интересующим меня вопросам.

Ю. Копцев, учреждение ИЗ 55/1, г. Орел

В соответствии со статьей 97 УПК РСФСР срок содержания под стражей при расследовании преступлений по уголовным делам не может продолжаться более двух месяцев. При наличии определенных обстоятельств, указанных в законе, этот срок может быть продлен в общей сложности до полутора лет, после чего дальнейшее продление срока не допускается и содержащийся под стражей обвиняемый подлежит немедленному освобождению. При возвращении судом на новое расследование дела, срок содержания под стражей обвиняемого по которому истек, а по обстоятельствам дела мера пресечения в виде содержания под стражей изменена быть не может, продление срока содержания под стражей производится соответствующим прокурором на один месяц с момента поступления к нему дела. Дальнейшее продление указанного срока производится с учетом времени пребывания обвиняемого под стражей

до направления дела в суд в пределах полугода лет. Законность и обоснованность продления срока содержания под стражей могут быть обжалованы в суде в порядке статей 220¹ и 220² УПК РСФСР. Предельных сроков содержания под стражей в период судебного разбирательства законом не установлено.

Я осужден по статье 117 части 1 и 2 УК РСФСР Бабушкинским районным судом Вологодской области к 7 годам 4 месяцам лишения свободы и выплате 15 миллионов рублей морального ущерба. Я признан виновным, но я не признаю свою вину. Прошу вас ответить на вопрос: из каких соображений суд на-

сти сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.

Статьей 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливается, что компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина

обуви (протезах) – зимней. Но добиться нигде ничего не могу в смысле получения новой. Со дня задержания обращался по всем инстанциям – везде отказ. А на воле мне заказывали две пары в год по меркам ног. Убедительно прошу вас дать письменные разъяснения о том, какую помощь администрация должна оказывать инвалидам.

Н. Кирьянов, учреждение ОЕ 256/12, пос. Шексна Вологодской обл.

В соответствии со статьей 101 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Прави-

«Ошибочному делу»

значил сумму 15 миллионов рублей за моральный ущерб? Чем он должен был руководствоваться при этом? Сохранится ли за мной иск после отбытия наказания? Если сохранится, то какие последствия могут быть в том случае, если не выплачивать его? Могут ли органы исполнения наказания конфисковать в уплату иска дом, который принадлежит мне на праве собственности (в доме помимо меня проживает жена и двое несовершеннолетних детей)?

И. Хоробрий, учреждение ОЕ 256/12, пос. Шексна Вологодской обл.

Пленум Верховного суда Российской Федерации в своем постановлении от 20 декабря 1994 г. № 10 с последующими изменениями, внесенными постановлением от 25 октября 1996 г. № 10, отметил, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действитель-

ности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.

Если сумма ущерба не будет вами возмещена в период отбывания наказания, она будет вычитаться из вашего заработка по новому месту работы согласно исполнительному листу. Отказ от выплаты ущерба может повлечь привлечение вас к уголовной ответственности по статье 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». Однако согласно статье 85 УК РФ вы можете обратиться на имя Президента Российской Федерации с ходатайством о сокращении назначенного наказания актом помилования.

В соответствии с Перечнем имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда, являющимся приложением к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, не подлежат конфискации жилой дом, квартира или отдельные их части, принадлежащие осужденному на праве собственности, если осужденный и его семья постоянно в них проживают (не более одного дома или одной квартиры на семью).

Прошу вас объяснить, куда мне обратиться по окончании срока. Я инвалид по увечью на работе с 1987 года. Нахожусь в ИТК-12 с 28 ноября 1995 года, осужден по статье 108 части первой УК РФ по сфабрикованному уголовному делу. Два года с половиной хожу в непригодной ортопедической

лами внутреннего трудового распорядка исправительных учреждений и законодательством Российской Федерации.

В уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы, медицинские части), а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, ВИЧ-инфицированных осужденных – лечебно-исправительные учреждения.

Администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных.

Больные осужденные, осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, осужденные беременные женщины и осужденные женщины, чьи дети находятся в домах ребенка исправительных учреждений, могут получать дополнительные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемых в соответствии с медицинским заключением.

Обжаловать действия администрации учреждения вы можете в Министерство внутренних дел РФ, прокуратуру Вологодской области или Генеральную прокуратуру РФ. Для сведения также сообщаем, что 8 октября 1997 года Президентом РФ подписан Указ о передаче системы исполнения наказания в ведение Министерства юстиции Российской Федерации в соответствии с требованиями Совета Европы. Таким образом, вскоре возможны перемены в этой области.

Ольга ШВАРЦ,
консультант «Российского адвоката»

СОТВОРЕНИЕ ДОБРА

В конце прошлого века профессор Московского университета Владимир Иванович Герье выступил с призывом развернуть в городе широкое попечительское движение. К этому времени в бывшей российской столице сложилась тяжелая обстановка. Тысячи московских семей владели полуголодное существование. В самом бедственном положении оказались старики и дети. Богадельни и приюты, и без того еле-еле сводившие концы с концами, не в состоянии были помочь всем нуждающимся, которых становилось больше и больше. Городские улицы заполнили толпы нищих, выпрашивающих жалкое подаяние...

Фото: Замира РОМАНОВА

Александр СУХАНОВ,
президент некоммерческого
благотворительного фонда
содействия социальной
реабилитации осужденных и
защиты персонала уголовно-
исполнительной системы МВД РФ
«Попечитель»

Конечно, находились люди, которые стремились хоть как-то поддержать обездоленных, но действовали они разрозненно, повинуясь стихийному порыву при виде соотечественников, страдающих от голода и болезней. Заслуга Владимира Ивановича Герье как раз и состояла в том, что он предложил объединить усилия отдельных попечителей, воодушевить идеей благотворительности как можно больше москвичей. При этом он обращался не только к состоятельным горожанам, призывая их бескорыстно пожертвовать часть средств на нужды неимущих. Его страстное слово в защиту бедствующих было услышано во многих домах, где жили, как говорится, люди не самого высокого достатка. Но и они прониклись идеей помощи тем, кого жизненные обстоятельства поставили на грань выживания.

За короткий срок благотворители, объединенные в попечительские учреждения, сумели организовать дело таким образом, что о его результатах заговорила вся Москва. Прежде всего энтузиасты провели огромную работу по составлению списков нуждающихся, где конкретно указывалось какого рода помощь требовалась в первую очередь. С учетом этого распределялись собранные средства, одежда, продукты питания, медикаменты. Они передавались не только в различные заведения — больницы, детские приюты и т.д., но и по индивидуальным адресам, т.е. тем москвичам, кто остро нуждался в безотлагательной помощи.

Успех попечительского движения во многом был обязан поддержке московских властей. Городская Дума приняла важный документ, где занятие благотворительностью объявлялось высокозначимой общественной функцией, существенно до-

полняющей деятельность государственных структур. А в 1899 году было принято решение, предлагающее распространить опыт московского попечительства на всю Россию. Тогда же во многих ее уголках стали появляться различные благотворительные общества, которые по примеру московских попечительских учреждений взяли под свою опеку неимущих и нуждающихся. Так что в будущем году исполнится ровно 100 лет, как идея попечительства, рожденная и ставшая широким общественным движением в Москве, шагнула за ее пределы и начала находить себе сторонников и последователей по всей стране.

Процесс был прерван в 1917 году. Роль всеобщего попечителя взяло на себя государство, которое и принялось в официальном порядке решать те вопросы, которыми прежде занимались добровольцы-благотворители. С одной стороны, это дало возможность эффективнее, за счет мобилизации государственных ресурсов, выполнить наиболее актуальные задачи. Особенно заметен такой подход на примере отношения к детям. Именно государству удалось ликвидировать беспризорность в стране, прийти на помощь сиротам, детям из малоимущих семей. Как бы ни говорили о тех временах, но на улицах не было малолетних попрошайек, подростки отдыхали в пионерских лагерях, занимались спортом, реализовывали свои увлечения в различных кружках.

По собственному опыту знаю, какое огромное значение имеет такая государственная политика как для отдельной судьбы юного соотечественника, так и для будущего целого поколения. Достаток в нашей семье был скудный, маме приходилось надирать на нескольких работах, чтобы хоть как-

то свести концы с концами. Но я имел возможность заниматься бесплатно спортом под руководством квалифицированных наставников, ездить на соревнования, совершенствоваться в любимом деле. Вряд ли это осуществилось бы, окажись я тогда в других условиях.

Но, с другой стороны, практика такого государственного «попечительства» имела и свои недостатки. И главный из них состоял, на мой взгляд, в том, что власть, как говорится, стремилась объять необъятное, жестко регламентировать все стороны нашей жизни. В результате многие люди выросли с твердым убеждением, что за них все решат, за них все сделают. Не оттого ли так болезненно дают себя знать сегодняшние неурядицы, что немалое число уже великовозрастных сограждан, лишившись опоры в лице государства, попросту растерялись, опустили руки? Для борьбы с трудностями нужен постоянный тренинг. Это как в спорте – побеждает тот, кто сознательно готовит себя к самым трудным испытаниям, приучается хладнокровно идти им навстречу, настраивая себя на их преодоление и победу.

Сейчас государство фактически отказалось от роли «всеобщего попечителя». И нагляднее всего опять же это видно на примере отношения к детям. В стране впервые с начала 20-х годов появились сотни тысяч беспризорников, процветает подростковая преступность, более миллиона детей в России не посещают школу, а многие из тех, кто все-таки ходит на занятия, часто падают на них от голодного обморока.

Можно привести еще массу фактов, свидетельствующих, что государство ныне бросило своих подопечных на произвол судьбы, предложив им самим выбирать из того тяжелейшего положения, в котором они оказались не без активной помощи того же государства. Но и в этих труднейших условиях сегодняшнего бытия не исчезли люди, в душах которых живет сострадание к человеку, попавшему в беду, искреннее стремление прийти ему на помощь. Думаю, подобное душевное состояние не зависит от формы политического строя. Даже при самых свирепых диктаторских режимах находятся энтузиасты, готовые протянуть ближнему руку поддержки.

Есть они и в нынешней России, несмотря на то, что весь уклад современной жизни заставляет человека думать только о себе, заботиться о решении исключительно собственных проблем, видеть в каждом соотечественнике беспощадного конкурента в борьбе за кусок хлеба. Удивительное дело – ни годы коммунистического строя, ни время грабительских реформ не смогли до конца извести людей с особым нравственным устройством, не позволяющим им бесстрастно взирать на чьи-то страдания, спокойно проходить мимо чьей-то беды. Видно, идея сотворения добра пустила настолько глубокие и сильные корни, что их не в состоянии уничтожить даже самые немилосердные обстоятельства. И если кому-то все-таки удастся срубить поднявшееся дерево, на его месте появляются новые побеги, защищая отчаявшихся и обездоленных от стужи и непогоды.

Нет, не оскудела Россия на доброту и отзывчивость! И немало людей сегодня готовы употребить во благо свой ум и талант, свое умение созидать, вести прибыльное дело, обращать его на пользу всего общества. Вот только на этой стезе с первых же шагов приходится сталкиваться с множеством проблем, преодолеть которые удастся далеко не всем. Начать с того, что сегодня в обществе превалирует отношение к благотворительности как к какому-то блаженному чудачеству, минутному капризу, чуть ли не извращенному влечению. Во многом подобная точка зрения объясняется тем, что десятилетиями существовало положение, что только государство вправе демонстрировать заботу о людях. Всякие частные попытки воспринимались как некое стремление расшатать основы «самого демократического» строя.

Последние годы лишь усилили отрицательную реакцию в обществе на всякие действия, направленные на оказание помощи людям, не по своей воле оказавшимся в беде. И опять – не без содействия государства. Во всех цивилизованных странах установлен порядок, при котором благотворительность занимает особо почетное место в общей системе государственного устройства. Она представляет собой тот самый общественный сектор, который и придает государству необходимую устойчивость. Убери его и рухнут целые пласты – образование, здравоохранение, наука, культура, спорт и т.д. Отсюда и отношение к благотворительности как к одной из важнейших составляющих жизнедеятельности всего общества.

У нас же в большинстве случаев всякая благотворительная инициатива натывается на откровенную неприязнь чиновничества, которое оживляется лишь тогда, когда замаячит перспектива приятного подношения. В противном случае никто из обитателей кабинетов власти и пальцем не пошевелит, чтобы помочь делу. Больше того – всякий пожертвователю тут же попадает под подозрение неисчислимых инспектирующих и карающих органов, принимающих сурово вопрошать: откуда, дескать, дровишки, то бишь денежки? С чего это вдруг возникло желание ими поделиться? А нет ли тут тайного преступного умысла? И вообще – почему много зарабатываете? Ну-ка, выверните все карманы! И побыстрее!

Рисую эту невеселую картину, автор несколько не стеснялся краски. По опыту своих сподвижников, пожелавших реально включиться в благотворительную деятельность, хорошо знаю, с какими препонами на этом пути им пришлось встретиться. И некоторые из них просто махнули рукой: зачем на свои же деньги искать себе лишние хлопоты и неприятности?

В этом плане нашему благотворительному фонду «Попечитель», можно сказать, повезло. Сказалось то, что он родился и вставал на ноги при активном содействии и поддержке надежных друзей – и Гильдии российских адвокатов, и Министерства внутренних дел, и журнала «Российский адвокат». Они помогли успешно преодолеть многие рифы на пути к намеченной цели. Сейчас наш фонд ведет целенаправленную работу по оказанию помощи как осужденным, так и персоналу уголовно-исполнительной системы. Мы предоставляем им продукты питания, лекарства, медицинское оборудование, занимаемся проблемами восстановления производства в колониях, участвуем в осуществлении различных культурных программ. Но приходится признать, что пример «Попечителя» скорее исключение, чем правило.

Во многих же ситуациях положение выглядит просто удручающе. Мне могут возразить: сегодня обстановка в стране настолько тяжелая, что тут не до благих порывов. Как говорится, быть бы живу. Но именно сейчас особенное значение приобретает человеческая солидарность, взаимопомощь, готовность к сопереживанию. Не так уж сложно быть благотворителем в сытой, благополучной стране. А когда она впадает в нищету и разорение, то поистине неопределимыми становятся люди, которые и в такой тяжелой обстановке остаются верными своей благотворительной деятельности, не сворачивают ее под предлогом всеобщих неурядиц, а наоборот – всемерно расширяют, усиливают и конкретизируют.

Эта работа разворачивалась бы еще эффективнее, если бы уже в ближайшее время были приняты меры, которые стимулировали бы стремление благотворительных организаций наращивать усилия по оказанию помощи россиянам, оказавшимся в бедственном положении. При этом необходимо помнить, что люди, готовые прийти на помощь своим соотечественникам, не могут уподобляться безрассудным дарителям, бездумно разбрасывающим все нажитое и накопленное. Во всем мире в этих случаях предлагается компенсация – материальная, моральная, нравственная и т.д. Она нужна для того, чтобы человек, пожертвовавший какую-то часть

своих заработанных средств на общее благое дело, взамен получил что-то такое, что в определенной мере возместило бы ему расходы на благотворительность. Наиболее распространенный здесь способ – налоговые льготы. Снижая бремя нагрузки на кошелёк такого благотворителя, они тем самым побуждают его и дальше заниматься попечительской деятельностью, рассматривать ее не как тяжкую повинность, а как выполнение почетного общественного долга.

Тут особое значение имеет формирование в обществе такого отношения к самой благотворительности, которое рассматривало бы ее в качестве одного из важнейших столпов государства. Только тогда благотворительность от единичных акций перейдет к целостной системе, способной оказать действительно реальное влияние на социальную обстановку в стране. Для этого крайне необходимо сейчас сделать все, чтобы государство, общество немедленно повернулось лицом к попечительскому движению, сняли все препоны на пути его развития, с пониманием отнеслись к проблемам благотворительной деятельности.

Самое примечательное, что от государства здесь не требуется никаких затрат. Наоборот – существенно ослабнет давление на бюджет, если благотворительные организации возьмут на себя часть общественно значимых задач – строительство больниц, школ, оснащение их необходимым оборудованием, устройство спортплощадок для детей, заботу о стариках, инвалидах, малообеспеченных семьях и т.д. Такая практика есть во многих странах. Она была и в досоветской России. Нужно лишь возродить ее, скорректировав с учетом новых реалий времени.

Важно только одно – чтобы предприниматель, собственник, решившийся на столь ответственный шаг, твердо знал: его интересы, положение ни в чем не пострадают. Это можно будет сделать лишь тогда, когда вся благотворительная деятельность в стране станет на надежные правовые рельсы, всесторонне учитывающие как нужды общества, так и потребности самих благотворителей. Иначе получается «улица с односторонним движением», когда от добровольца требуют лишь опустошить свои карманы, ничего не оставляя ему взамен.

Здесь решающее слово за отечественными законодателями, которые должны выработать такие «правила игры», когда благотворительность становится не только почетным, уважаемым делом, но и весьма выгодным вложением капитала. Предприниматели, добившиеся успеха упорным трудом, – не наивные альтруисты. Если они не хотят финансового саморазрушения, то обязаны подвергнуть все тщательному расчету. И его результат станет определяющим аргументом в пользу принятия нужного решения.

Могут сказать: это безнравственно! Когда в стране такое творится, долг состоятельных людей раздать все, что у них имеется. Ну хорошо, предположим, они все раздадут. И что дальше? Через неделю хаява кончится, а новую уже взять будет неоткуда.

Поголовный «дедеж» положения не спасет. Кстати, это мы в своей истории проходили, когда силой делили все и вся. В результате получили военный коммунизм.

Этого мы хотим и сейчас?

Чтобы снова не наступать на те же грабли (сегодня это будет гораздо больше!), нужно просто активнее использовать в работе с благотворителями самые разнообразные стимулы. И не только финансовые, налоговые. Не менее важна и общественная оценка добрых деяний, когда государство по достоинству воздает своим гражданам, которые тратят немало сил и средств, чтобы помочь соотечественникам. Здесь важен сам факт признания подобных заслуг. Он означает, что государство берет под свою опеку людей, которые занимаются благотворительностью, создает им все условия для их плодотворной деятельности, строго взыскивает с чиновников, ставящих палки в колеса благородных начинаний. Тогда

благотворитель будет ощущать себя не каким-то случайным просителем, одержимым странными фантазиями, а поистине государственным человеком, который необходим обществу, занимает в нем достойное место и вправе рассчитывать на публичное понимание и внимание. В досоветской России таких людей отмечали почетными званиями, наградами, именными отличиями. Если возродить эту добрую традицию, общее дело только выиграет. Разве не престижно, скажем, получать из рук Президента России знак или медаль, свидетельствующие о большом вкладе в благотворительность? Рассказ о таком событии в средствах массовой информации послужит хорошим стимулом для всех, кто вступил или думает вступить на стезю благотворительности.

Но пока усилия благотворителей разрозненны и стихийны, трудно рассчитывать на широкий успех попечительского движения. Здесь мне вновь хотелось бы вернуться к ситуации конца прошлого века, когда Москва стала инициатором превращения благотворительности из единичных островков в общественную силу. Владимир Иванович Герье и его сподвижники оставили прочный след в памяти потомкам уже тем, что сумели разглядеть в попечительстве не просто сиюминутный порыв наиболее совестливых людей, а веление времени, вызвавшее к жизни новые подходы к решению острых социальных проблем. Не случайно тогда благотворительность широко распространилась в самых разных слоях общества – от купечества до представителей царских фамилий.

Но сегодня что-то не слышно, чтобы кто-то из нынешних правителей или крупных предпринимателей по-настоящему потрудился на ниве благотворительности. А жаль! Пример сильных мира сего мог бы стать серьезным побудительным мотивом для многих других россиян, кто умеет делать конкретное дело и добивается в нем весомых результатов.

Может, воз с мертвой точки помогло бы сдвинуть четкое, оперативное согласование действий с правительством России, местными властными структурами. Почему бы не создать специальную комиссию, совет, комитет (дело не в названии!), куда вошли бы и сами благотворители, и представители самых разных социальных групп, и видные общественные, политические деятели, и священнослужители? Они могли бы детально анализировать обстановку в стране с точки зрения оказания помощи там, где она более всего необходима в данный момент, координировать усилия различных попечительских организаций, вести работу по их росту, привлечению новых людей, способных реальной поддержкой откликнуться на чью-то беду.

Если такой общественный орган будет создан при правительстве, то это позволит заметно поднять эффективность всего благотворительного движения. Оно выйдет из аморфного, хаотичного состояния и приобретет статус и значение постоянно действующей системы, включенной в общую социальную политику государства. И чем больше государство станет рассматривать благотворительность как свою надежную опору, тем больше оно будет способствовать расширению этой самой благотворительности. Способствовать не командными, а хорошо продуманными методами стимулирования, поощрения, создания приоритетов.

Необходимо лишь, чтобы все это не увязло в беспросветности длительных словопрений. Если мы промедлим, то можем потерять не только время, но и шанс действительно поправить дело, вместе решить наши общие проблемы. Они с каждым днем, с каждым часом становятся все острее и трагичнее. История не простит нам, если сейчас мы упустим реальную возможность помочь людям как-то справиться с обрушившимися трудностями, поддержать тех, по кому беда ударила сильнее всего.

Сотворение добра...

Оно может произойти лишь тогда, когда будет делаться сообща, совместно, согласно.

В московском представительстве АВА/СЕЕУ состоялась презентация последней книги. В офисе на улице Поварская собрались авторы книги, американские и российские адвокаты, ученые-правоведы, представители Министерства юстиции, прокуратуры и других правоохранительных органов, юридической периодической печати.

Выступавшие отмечали, что методическое пособие подобного рода российское адвокатское сообщество ждало давно. Выводы и рекомендации авторов базируются на изучении и толковании законов, обобщении практики, осмыслении собственного профессионального опыта и опыта своих коллег. Авторам интересно правозащитное дело, которым они занимаются, и они заражают этим интересом читателя. Отмечалась высокая методи-

«Слав профессиональной зрелости и молодости»

Методическое пособие «Защита по уголовному делу. Пособие для адвокатов» подготовили члены коллегий адвокатов Нижегородской областной – Тамара Живулина, Московской городской – Елена Львова и Ивановской областной – Сергей Травин. Книга вышла в издательстве «Юристъ» при организационной и финансовой поддержке программы «Правовая инициатива для стран Центральной и Восточной Европы» (СЕЕУ) Американской ассоциации юристов (АВА).

Думается, читателям небезынтересно будет узнать некоторые подробности об ассоциации и реализуемой ею программе. АВА основана 120 лет назад и сегодня является крупнейшей в мире добровольной профессиональной организацией юристов. Она объединяет 370 тысяч членов – это добрая половина юристов США. Вносит немалый вклад в то, чтобы американская система правосудия эффективно защищала интересы и права граждан.

АВА активно поддерживает процесс правовых реформ, идущих в странах Центральной и Восточной Европы, в независимых государствах, образовавшихся после распада СССР. Проект получил название уже упомянутый нами «Правовой инициативы...». В 1991 году АВА/СЕЕУ открыла свои представительства в Москве, а позже – в Иркутске и Ростове-на-Дону.

Программа «Правовая инициатива...» включает несколько направлений: совершенствование законодательства, повышение квалификации юристов, реформу уголовной юстиции, улучшение юридического образования, защиту прав женщин, реформу судопроизводства.

Формы работы разные. По запросам, поступающим от российских правительственных органов, законодателей и иных заинтересованных лиц, СЕЕУ привлекает американских и западноевропейских экспертов для анализа важных законопроектов. В разных регионах страны регулярно проходят семинары по повышению квалификации юристов, в том числе адвокатов. СЕЕУ профинансировало издание методических пособий: «Суд присяжных» и уже упомянутое нами «Защита по уголовному делу...»

ческая культура книги: четкость позиции, содержательные схемы и таблицы, образцы документов. Стиль изложения сложных вопросов живой и увлекательный. Книга пронизана чувством гордости за тот вклад, который вносят адвокаты в защиту законных прав граждан. «Слав профессиональной зрелости и молодости» – такую оценку дали новому методическому пособию участники встречи.

Выступивший на презентации представитель АВА/СЕЕУ Дэниэл Фицгиббон поддержал оценки, прозвучавшие в адрес авторов книги, поздравил российских коллег с выходом в свет полезной и нужной книги. Он выразил уверенность в том, что сотрудничество в рамках программы «Правовая инициатива...» будет крепнуть и обогащаться. Фицгиббон сообщил, что распространяться пособие будет бесплатно среди коллегий адвокатов, юридических вузов и факультетов, правозащитных организаций.

Валентин ШАРОВ,
 спец. корр. «Российского адвоката»
 На снимке: Дэниэл Фицгиббон (слева) беседует с авторами книги Тамарой Живулиной и Сергеем Травиным

МРКА: **БЕРЛИН**

направление –

Большой опыт по проведению международных адвокатских конференций имеет в своем активе Межреспубликанская коллегия адвокатов. Кипр (1994г.), Греция (1995г.), Италия (1996г.), Швейцария (1997г.). И вот недавно в Германии прошла очередная научно-практическая конференция на актуальную тему: «Право и предпринимательство. Защита прав предпринимателей». О ней рассказывает член делегации Марк КРУТЕР.

Конференцию с российской стороны открыл Н. Н. Клен (председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов), с германской – У.Бенте (председатель Немецко-российского общества юристов). Он сказал, что «в истории взаимоотношений наших сторон, увы, были разные периоды. Но вместе с тем наши культуры имеют вековые связи, которые за последние десятилетия набирают новые обороты и крепнут. Можно только сожалеть, что адвокаты наших государств не могут похвалиться обилием этих нужных контактов. Хотя процесс пошел. Свидетельством тому проведенный в апреле этого года в Бонне семинар, который организовали Германский фонд международно-правового сотрудничества и Гильдия российских адвокатов (президент Г. Б. Мирзоев). И вот новый шаг навстречу друг другу – сегодняшняя конференция. Мы очень рады этому деловому контакту. Именно сейчас, когда мы находимся в отношениях бизнеса, возрастает роль правовых механизмов, путей взаимодействия наших государств на правовой основе. Для того чтобы деятельность предпринимательства между нашими странами была эффективной, адвокатам важно знать законодательства Германии и России, структурное построение правоохранительных органов, формы и методы взаимоотношений как внутри стран, так и за их пределами. Это поможет адвокатам достойно представлять интересы наших держав на правовой арене».

Председатель президиума МРКА, заслуженный юрист России Н. Н. Клен в своем докладе рассказал делегатам, что российская адвокатура свыше 25 лет живет по Положению об адвокатуре, которое морально устарело. «Россия резко изменилась, – отметил докладчик, – появилась новая Конституция, принято огромное количество законов. Именно сегодня, как никогда, нужен новый Закон об адвокатуре. Мне представляется, что в нем права адвокатов должны быть существенно расширены. Это нужно не только нам, но и всему

обществу. Мы хотели бы видеть в новом Законе об адвокатуре расширение прав адвокатов не только в суде, но и во всей их деятельности, чтобы были хорошо защищены права самих адвокатов, сохранена адвокатская тайна, что является очень важным, ибо расширяются права наших граждан. Существующие противоречия можно решить компромиссным путем, и большинство адвокатов готовы искать это решение. В субъектах России могут существовать несколько коллегий, которые бы были объединены в ассоциации или советы. Закон об адвокатуре тесно связан с принятием нового УПК. В его проекте зафиксированы права адвоката в уголовном процессе, но они сужены по сравнению со стороной обвинения. И поэтому принцип состязательности весьма относителен. Принятие этих положений является очень важным, ибо они расширяют права граждан, интересы которых адвокаты представляют. Еще один вопрос: кто должен быть субъектом договора с клиентом? Полагаю, что в новом законе, – подчеркнул Н. Н. Клен, – нужно отвести эту роль адвокату, а не консультации. Новый ГК усилил роль адвоката в представительстве интересов граждан в судах. В настоящее время в российской адвокатуре возникла новая проблема: раньше отчисления в Пенсионный фонд для адвокатов составляли 5 процентов, а сейчас 20,6, что существенно ухудшает положение адвокатов и коллегий в целом». В завершение Н. Н. Клен сказал, что российские адвокаты за расширение правовых и дружеских контактов со всеми странами, опыт которых представляет большой интерес, в том числе и коллег из Германии.

Бывший член Верховного суда РФ, доцент кафедры Академии труда и социальных отношений Т.П. Евдокимова в своем сообщении отметила, что экономические реформы и преобразования в России проходили без правовой базы. Как правило, они основывались на издании президентских указов. Большинство законов не были согласованы между собой,

даже порой вступали в противоречие друг с другом. Эта серьезная проблема была устранена после принятия нового Гражданского кодекса, т.е. через три года. Сегодня адвокатам, работающим в области бизнеса (предпринимательства), необходима большая систематическая работа над изучением новых российских законов, сравнением их с нормативными актами других стран.

Председатель военной коллегии Верховного суда РФ Н. А. Петухов в своем выступлении сказал о том, что «наша научно-практическая конференция проходит в Германии – стране, которая ушла далеко вперед. Нам есть чему поучиться у немецких правоведов». Выступающий заострил внимание делегатов на тех правовых нормах, которые закреплены в УПК и ГПК РФ, на проблемах и недостатках в законодательных нормах, касающихся деятельности адвокатов, высказал свое мнение о расширении прав стороны защиты, что необходимо учесть при подготовке нового УПК РФ. Сослался на положительный опыт немецкого законодательства, которое по сравнению с российским ставит защитника как на следствии, так и в суде в равное положение со стороной обвинения.

Доктор У.Бенте в своем содержательном докладе рассказал делегатам конференции: «В Германии на 80 млн. человек населения – 80 тысяч адвокатов. Полагаю, что в России на 180 млн. должно быть не менее 170–180 тысяч адвокатов. Для того чтобы стать адвокатом, в Германии необходимо после окончания юридического факультета пройти стажировку и сдать очень непростой государственный экзамен в соответствующем земельном ведомстве юстиции. Успешно сданный экзамен – залог получения работы по выбранному адвокатскому профилю в достойной адвокатской конторе (канцелярии). Создание канцелярий практикуется в крупных городах Германии. Они осуществляют работу по гражданским, уголовным, экономическим и публичным правам. В Берлине, Мюнхене, Гамбурге созданы межрегиональные бюро, которые со-

трудничают с другими странами Европы. В России такой филиал бюро создан в г. Санкт-Петербурге. Немецкая адвокатура – это орган, следящий за исполнением Закона. Адвокаты здесь не получают денег от государства, а формируют свой заработок за счет клиентов, которые вносят гонорар. Исключение составляют дела, когда клиент не в состоянии оплатить работу защитника. В этом случае суд рассматривает заявление гражданина об освобождении от оплаты, принимает решение (далеко не по каждому заявлению), и адвокат получает за проделанную работу денежное вознаграждение от государства из специальной кассы суда, где было проведено дело. Адвокаты, участвующие на уровне районных (городских) судов, допускаются к ведению дела без спецдопусков, а уже в масштабе земельных судов они необходимы. В судах этой категории могут работать адвокаты, имеющие стаж работы не менее пяти лет. В Верховном суде Германии имеют право выступать высококвалифицированные адвокаты, имеющие большой стаж профессиональной деятельности. Таких в Германии всего 16 человек».

О деятельности германской Торгово-промышленной палаты рассказал г-н Маркус Гайер. Он сообщил, что их организация осуществляет свою деятельность вне судов (как посредник между немецкими и российскими предпринимателями). «Мы не осуществляем правовые консультации и не готовим договоры, не имея на это право, – заявил г-н Гайер. – Это деятельность адвокатов. Мы можем консультировать и рекомендовать с точки зрения стратегии: какие формы и шаги необходимо предпринять. В области предпринимательства Торгово-промышленная палата выступает как нейтральный орган. Он действует в пределах Берлина. Работа выглядит следующим образом. Приходит письмо от предпринимателя из России или Германии, копия договора или соглашения, где клиент просит через палату установить контакт с другой стороной. В ее адрес отправляется соответствующее письмо. После получения ответа специалисты делают анализ ситуации: выявляют – недоразумение ли это либо возникла правовая или иная проблема. Затем идут попытки найти выход из создавшегося положения, не прибегая к помощи судебных инстанций. Если же эту проблему не удастся решить и сделка срывается, то палата согласно договору может рекомендовать обратиться в суд или арбитраж, а в отдельных случаях даже в Международный суд в Париже. Услугами ТПП можно воспользоваться в случаях, если одной из российско-немецких сторон нужно составить «зеркало» фирмы, с которой она состоит (или желает состоять) в коммерческих отношениях. За очень короткое время приходят сведения из собственного банка данных, которые и сообщаются клиенту. Эти сведения можно в дальнейшем использовать при судебных разбирательствах».

С немецкой стороны в заключительной части конференции выступил представитель земли Берлин, госсекретарь г-н Добреф Боррманн, с российской – заместитель министра юстиции Российской Федерации А. И. Муранов.

Сообщение о международной конференции МРКА было бы не полным, если не упомянуть о культурной программе. Делегация адвокатов побывала в четырех городах Германии (Берлине, Лейпциге, Дрездене, Мюнхене) и двух городах Австрии (Зальцбурге и Вене), где ознакомились с богатым историческим и культурным наследием этих европейских стран.

Москва-Берлин, Лейпциг-Дрезден-Мюнхен-Зальцбург-Вена-Москва

Фото Николая НИКАНОВО

Фото: Рудольфо РИЗАНОВА

Елена ТЮНТИНА, член Московской городской коллегии адвокатов

Окончательный выбор стать адвокатом я сделала в конце третьего курса, записавшись на кафедру адвокатуры и нотариата.

Московскую государственную юридическую академию окончила с «красным» дипломом и решила попытать счастья поступить в Московскую городскую коллегию адвокатов. Предстояло сдать строгий экзамен, пройти собеседование. Я выдержала эти испытания и была зачислена в стажеры.

Большая удача, что стажировку я проходила в юрконсультации №11, возглавляемой Геннадием Константиновичем Шаровым, одним из ведущих адвокатов Москвы. Консультация – одна из старейших (с 1928 года) и авторитетнейших в МГКА. Объединяет свыше 50 адвокатов. У них всегда можно было найти поддержку, получить совет. Руководили стажировкой Александр Борисович Гольденберг и Ольга Владимировна Истомина. У них за плечами десятки сложных дел. Мне было чему поучиться. Так что и с наставниками тоже повезло.

Я познакомилась с различными видами деятельности: присутствовала на приеме граждан, слушала речи адвокатов в судебных заседаниях по гражданским, арбитражным и уголовным делам, изучала особенности оказания правовой помощи юридическим лицам, участвовала в составлении заключений, исковых заявлений, проектов договоров и иных документов, подбирала нормативный материал.

Сделала первые самостоятельные шаги. Провела в Лобненском суде (Мос-

ИНВЕСТИЦИИ

Ежегодно в ряды российской адвокатуры вливаются молодые специалисты, вчерашние выпускники юридических вузов и факультетов. Журнал «Российский адвокат» не раз рассказывал о становлении начинающих адвокатов, о том, как нелегко дается им каждый шаг на пути к подлинному мастерству. В нынешнем номере мы печатаем на эту тему подборку материалов.

В самостоятельное плавание

ковская область) гражданское дело по возмещению ущерба, причиненного залывом квартиры. В этом процессе я представляла интересы ответчика и мне удалось снизить сумму морального вреда с трех миллионов «старых» рублей, заявленных истцом, до 250 тысяч. Мой доверитель был удовлетворен решением суда и отказался от подачи кассационной жалобы. По другому гражданскому делу мне удалось урегулировать конфликт сторон во внесудебном порядке, убедив их разрешить спор мирным путем.

В порядке ст. 49 УПК РСФСР совместно с адвокатом консультации мне было поручено ведение уголовного дела в отношении гражданина N по ст.161 ч.2 п. «а, г, д» УК РФ. По данному делу вынесено постановление о применении к лицу, совершившему общественно опасное деяние, принудительных мер медицинского характера.

Очень хорошо, что руководство юрконсультации предоставляло мне возможность участвовать в делах разных категорий.

Я убедилась на своем опыте, что президиум МГКА уделяет большое внимание стажировке выпускников юридических вузов, пожелавших связать свою судьбу с адвокатурой. Сложилась система работы со стажерами.

Через три месяца стажер отчитывается о работе на совещании в юридической консультации. После шести месяцев отчет заслушивает комиссия президиума МГКА по работе с молодыми специалистами. Стажер предоставляет на ее суд магнитофонную запись своей судебной речи. Защищает реферат по практической теме. Тема моего реферата – «Работа адвоката по подготовке проек-

тов договоров в части арбитражной оговорки и применимого права».

В конце стажировки, которая длится девять месяцев, в президиуме коллегии проходит собеседование. Разбирают одно из дел, проведенное кандидатом в адвокаты. Заключают, готов ли он к самостоятельной работе.

Я прошла весь путь стажера успешно. Теперь я адвокат. Правда, с приставкой «молодой». А это значит: учеба продолжится.

Необходимый

Геннадий ШАРОВ, заведующий юридической консультацией №11 МГКА, кандидат юридических наук

Журнал «Российский адвокат» предоставил сегодня слово нашему бывшему стажеру Елене Тюнтиной и норвежскому студенту Йоргену Стубберуду, проработавшему у нас минувшим летом два месяца. За молодостью – будущее. И мне приятно сообщить: Тюнтина и Стубберуд оправдали наши ожидания.

Елена успешно прошла стажировку. Упомянутый ею реферат признан комиссией президиума МГКА одним из лучших, рекомендован в качестве методического пособия. С 1 июня нынешнего года – она практикующий адвокат. Елене повезло: еще в период стажировки она стала работать в группе под руководством Павла Ушакова, одного из лучших специалистов консультации по обслуживанию бизнеса.

Пребывание студента из Норвегии – это не стажировка и не учебная практика. Он у нас работал, выполнял обязанности помощника адвоката, за что и получал скром-

И В XXI ВЕК

Желание – сбылось, ожидания – оправдались

Студент юридического факультета университета в Осло Йорген Антон СТУББЕРУД в свои летние каникулы работал в юридической консультации №11 МГКА. Перед отъездом на родину он поделился своими впечатлениями о пребывании в Москве.

Когда я решил стать адвокатом и специализироваться на российском праве, родственники, друзья спрашивали меня, почему я сделал такой выбор. Я отвечал так.

Деловые отношения между Норвегией и Россией расширяются. Нужны адвокаты, знающие российское право и русский язык. Таких у нас считанные единицы. Перспективы работы прямо-таки неограниченные.

комментарий

ную оплату. По-моему, в нашей адвокатуре это первый опыт подобного рода. В марте он обратился к нам с просьбой предоставить ему возможность в период летних каникул поработать в консультации. Свою просьбу он объяснял тем, что хочет специализироваться по российскому праву, чтобы оказывать правовую помощь норвежским бизнесменам, все активнее вступающим на рынок нашей страны. Просьба сопровождалась рекомендациями преподавателей университета в Осло, известных юристов, в том числе адвокатов, с которыми мы давно и успешно сотрудничаем. Нам импонировало упорство, с каким Стубберуд шел к своей цели. В свои 24 года он овладел английским, немецким, французским, шведским, русским языками. Знает латынь. Деньги на поездку в Москву заработал сам: сотрудничал в университетской газете, был ночным сторожем на стройках.

Он хорошо поработал. Помог нам. Обогастил свои знания.

Елена Тютнина и Йорген Стубберуд – это, я бы сказал, наши инвестиции в XXI век.

На мой выбор повлияло также то, что несколько лет назад я два с половиной месяца прожил в России, в Новгороде, в русской семье. Поездку организовало отделение общества норвежско-русской дружбы в моей родной области Эстфольд – побратима Новгородской области. В Новгородском университете я преподавал шведский язык. Тогда я познакомился с русской культурой и полюбил ее.

Мне очень помог наш известный адвокат Гуннар Нердрум. Мы с ним в одной школе изучали русский язык, правда, с интервалом почти в тридцать лет! У него немалый опыт совместной работы с российскими адвокатами, в частности с юридической консультацией № 11. Сюда я и направил свое письмо.

Мне была предоставлена возможность поработать помощником заведующего консультацией и его партнера – адвоката Ольги Истоминой. Опыт и знания, которые здесь приобрел, я бы назвал уникальными. Адвокаты брали меня с собой на судебные заседания. Дела были самые разнообразные – уголовные, гражданские. К заседаниям мне поручали подбирать материалы. Приходилось вчитываться в статьи различных кодексов, знакомиться с российским законодательством.

Некоторые заседания произвели на меня огромное впечатление. В Арбитражном суде г.Москвы, а затем в Окружном (Федеральном) рассматривался иск компании «Внуковские авиалинии» к правительству России. Сумма иска была эквивалентна 50 миллионам долларов США. На том этапе иск судами был поддержан.

Фото Рудольфа РИЗАНОВА

Интересно было наблюдать работу третейского суда Национальной ассоциации участников фондового рынка. Интерес подогревался тем, что заведующий юридической консультацией №11 Геннадий Шаров участвовал в заседаниях в качестве... судьи.

Приобщили меня к одной тяжбе – между Московским подворьем Ставропигиального Свято-Введенского мужского монастыря «Оптина Пустынь» и московским музеем-усадьбой «Останкино». В свое время музей занял хозяйственными постройками гектар земли, принадлежавшей храму Святой Троицы в Останкино. Иск подворья к музею рассматривался в пяти судебных инстанциях, в четырех из них я принял участие. Подворье и помогавший ему адвокат доказали свою правоту. Я потом прочитал в одной московской газете тенденциозное, ложное изложение происшедшего. Подумал, и в России адвокатом приходится испытывать на себе клеветнические выпады прессы и давать им отпор.

Сотрудники юридической консультации помогли мне познакомиться с достопримечательностями Москвы. Я побывал в театрах – в «Современнике» видел гоголевского «Ревизора», в Малом – пьесу «Лес» Александра Островского. Посетил Третьяковку, другие музеи.

Теперь у меня много друзей в Москве. И я еще больше уверен в правильности своего профессионального выбора.

Монолог Й.Стубберуда записал спец. корр. «Российского адвоката» Валентин ВИКТОРОВ

Ирина КОСМОВСКАЯ,
юрист

Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) новым не назовешь, действует он уже почти пять лет. Рыночные отношения в последние годы развивались бурно, вовлекая в свой поток и интеллектуальную собственность – исключительные права на результаты интеллектуальной, творческой деятельности. Закон позволил авторам стать полноценными участниками гражданского оборота.

ДРУЖИТ ЛИ МНБА С ЗАКОНОМ?

Однако, несмотря на солидный возраст Закона, «служители муз», а также издатели их творений редко используют его положения на практике, предоставляя, таким образом, возможность кому ни попадя незаконно использовать результаты своего труда.

Возможность же защитить себя у автора и издателя есть. В соответствии со статьей 6 Закона объектом авторского права признаются как обнародованные, так и необнародованные произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения или достоинства произведения и способа его выражения. Такие произведения должны существовать в объективной форме, например в виде рукописи.

Авторское право возникает в момент создания произведения. Для его возникновения не требуется ни регистрации, ни специального оформления произведения. Автором, как это видно из статьи 4 Закона, признается лишь физическое лицо. Юридические лица лишены такой возможности, однако они могут приобрести у автора права на использование его творения.

Закон предоставляет автору широкий круг как неимущественных прав, таких, как право на имя и на защиту репутации, так и имущественных, в числе которых – исключительное, то есть принадлежащее только автору право использовать свое произведение самому или передать это право другому.

Только авторский договор может служить основанием для передачи имущественных прав автора другому лицу – гражданину или организации. Исключения из этого правила перечислены в Законе. К таким договорам, как следует из положений Гражданского кодекса Российской Федерации, применяются общие правила о договорах купли-продажи. Они подразделяются на два вида: о передаче исключительных прав и о передаче неисключительных прав.

Важно помнить, что если в договоре есть прямое указание на его исключительный характер, то это означает: автор передает издателю либо другому покупателю право единолично по своему усмотрению использовать произведение и зап-

рекает использование этого произведения всем другим, включая и самого автора.

В то же время стороны могут определить для себя пределы действия договора. Так, возможна передача лишь строго определенной части исключительных прав. Например, покупатель получает только исключительное право перевода произведения на испанский язык, а все остальные права остаются за автором.

Авторский договор должен соответствовать целому ряду требований. Во-первых, в нем обязательно нужно указать, каким способом можно использовать произведение – будет ли это, например, его воспроизведение или распространение. Во-вторых, в документе должен быть указан срок его действия, любой – хотя бы и на весь срок существования права. В противном случае автор сможет расторгнуть договор, если другая сторона добросовестно выполняет свои обязательства, лишь по истечении пяти лет от даты его подписания.

В-третьих, в договоре должен определяться размер вознаграждения либо порядок определения его, а также порядок и сроки его выплаты. Как правило, автор получает процент от дохода за соответствующий способ использования произведения, например 7 процентов от оптовой отпускной цены каждой книги. Однако возможно указать в документе и строго фиксированную сумму гонорара, но в этом случае сторонам необходимо определить заранее и максимальный тираж произведения.

Готовится постановление правительства РФ, устанавливающее минимальные размеры авторского вознаграждения за издание произведений литературы и искусства. Не ставя под сомнение один из основных постулатов гражданского права – принцип свободы договора, новый нормативный акт, как ожидается, даст молодым авторам дополнительную гарантию достойной оплаты своего труда.

Немаловажно иметь в виду, что для перепродажи прав, переданных по авторскому договору, необходимо согласие автора, прямо выраженное в первоначально подписанном документе. Условия авторского договора, противоречащие положениям Закона, являются недействительными.

Статьей 32 Закона предусмотрена для авторского договора обязательная простая письменная форма. Однако несоблюдение этого правила не влечет признания недействительности сделки. Исключение из правила об обязательной простой письменной форме сделано для договоров об использовании произведений в периодической печати, что вполне логично, поскольку излишние формальности в этом случае вступали бы в противоречие с оперативностью работы средств массовой информации.

Особого внимания заслуживает вопрос охраны прав авторов, создавших свои произведения в силу служебных обязанностей. Отдельного договора в этом случае не требуется. Автору принадлежат все личные права (на имя и т.п.). Исключительные же права на использование служебного произведения принадлежат работодателю. Автор имеет право на получение вознаграждения за каждый вид использования своего произведения. Однако положения данной статьи не распространяются на создание в служебном порядке энциклопедий, сборников, газет и других периодических изданий.

Как видим, у автора есть шанс защитить себя от произвола, конечно, если он вовремя о себе позаботится и хотя бы прочтет предложенный вариант договора. К слову заметим, что и автор, и покупатель его прав в соответствии со статьей 34 Закона несут полную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств, возмещают противной стороне расходы, которые она должна будет произвести для восстановления своего нарушенного права, а также все не полученные ею доходы (упущенную выгоду) в соответствии со статьями 15 и 393 ГК РФ.

У проблемы защиты книжного рынка от воровства (чтобы незаслуженно красиво не называть его пиратством) есть еще один аспект: защита издателя. Согласитесь, зачем нужно трудиться над изучением конъюнктуры рынка, сопоставлением спроса читателей и предложений издателей, когда гораздо проще взять уже разрекламированную кем-то за чей-то счет продукцию и предложить ее наивному потребителю.

Современное законодательство предлагает решение такого рода проблем. В соответствии с законом Российской Федерации «О товарных знаках и знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» обозначения, способные отличать продукцию одних юридических или физических лиц от однородных изделий других юридических или физических лиц, именуются товарными знаками. Проще говоря, товарный знак – это символ, который позволяет потребителю безошибочно определить принадлежность продукции определенному производителю. Объектом правовой охраны этот знак становится только с момента его государственной регистрации.

Практика показывает, что наиболее эффективно выполняют свои функции товарные знаки, представляющие собой оригинальные слова, фразы или словосочетания. При регистрации так называемых словесных товарных знаков охраняется не только сами слова, но и их шрифтовое и цветовое решение. В соответствии со статьей 5 рассматриваемого закона в качестве товарного знака могут быть зарегистрированы изобразительные, объемные и другие обозначения, а также их комбинации. Поэтому реальным выходом для книжных издателей может быть регистрация обложки в качестве товарного знака.

Закон предоставляет владельцам товарного знака исключительные права его использования. В нем говорится прямо: никто не может использовать охраняемый в Российской Федерации товарный знак без разрешения владельца.

Сотрудники издательского дома «Аванта+» за работой

Примеров использования обложки и наименования книг в качестве товарного знака достаточно. Известны конфликты в издательском бизнесе из-за нарушения авторского права. Напомню спор двух издательств по поводу детских энциклопедий. Как следует из заключения эксперта отдела товарных знаков ВНИИППЭ, обозначение суперобложки книги «История искусств» серии «Энциклопедия для детей и юношества» ЗАО издательского дома «Русская энциклопедия» сходно с товарными знаками ЗАО издательства «Аванта+». «История искусств» воспринимается потребителями как один из вариантов серии, выпускаемой ЗАО «Аванта+». Налицо нарушение закона, повлекшее за собой длительное судебное разбирательство. Не говоря уже о том, что издательство «Аванта+» понесло материальный ущерб в размере около восьми миллионов деноминированных рублей.

Несанкционированное введение в хозяйственный оборот товарного знака или изделия, обозначенного им, или использование обозначения, сходного со знаком до степени смешения, при изготовлении и продаже однородной продукции признается нарушением прав владельца товарного знака и влечет за собой гражданскую и (или) уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Среди способов защиты гражданских прав от незаконного использования товарного знака в законе «О товарных знаках...», помимо требований о прекращении нарушения или взыскании причиненных убытков, названо и удаление с товара или его упаковки незаконно используемого товарного знака или обозначения либо уничтожение изготовленных изображений товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения. Но поскольку это сложно сделать, не причинив вреда самому товару, можно предположить, что закон не исключает уничтожение либо переработку самого товара.

Подводя итог, можно отметить, что при достаточной степени осмотрительности, добросовестности и заботливости о своем деле и своих правах автор и издатель могут обеспечить надлежащую защиту своих интересов.

КРОССВОРД

Слова вписываются вокруг цифр по часовой стрелке, начиная с клетки со штрихом.

17	22		10	4	7		12	20	16	11		8	9	22	5	13		
3	20	18	13	17	13		19	4	22		8	13	18	3	20	9	16	
9	5	13	3	20	7		17	22		18	13	3	3	1	4	2	13	
19	4	22		22	3	20		6	13	2	16	17		12	20	16	11	
			14	16	17	7	21	13	20			2	13	2		16	17	
7	6	21	22	17	12	7	9		7		17	22	14	18	16	12	22	17

1. Нижний чин уездной полиции.
2. Свод законов.
3. В древней Греции – защитник в суде.
4. Дипломатическое действие, протест, предупреждение.
5. Детская колыбель.
6. Эмблема законности в России.
7. Предательство.
8. Свиный страж.
9. Одно из объяснений какого-либо обстоятельства, факта.
10. Заявление об ущемлении прав.
11. Дело, торговля, коммерция.
12. Венгерский народный танец.
13. Наем на срок имущества.
14. Покровитель, защитник.
15. Член преступной группы.
16. Смелость, бесстрашие.
17. Применение принуждения в отношении кого-либо.
18. Оплата за поражение.
19. Открытое похищение имущества.
20. Повреждение организма.
21. В преступном мире – название места обитания.
22. Наименьшее из натуральных чисел.

Вписав начальные буквы отгаданных слов в соответствующие их номером клетки, прочтете стихи русского драматурга Ф. А. Кони, отца знаменитого юриста.

Составил Алексей ПОСТНОВ

Ответы на кроссворд, опубликованный в журнале «Российский адвокат» №5:

1. Урядник.
2. Порука.
3. Ячейка.
4. Аспект.
5. Итиан.
6. Юстиция.
7. Дантес.
8. Секрет.
9. Льгота.
10. Орбита.
11. Власть.
12. Работа.
13. Натура.
14. Шантаж.
15. Еретик.
16. Беседа.
17. Интерес.
18. Защита.
19. Журнал.
20. Талмуд.
21. Манера.
22. Корысть.

Зашифрованное изречение адвоката С. А. Андреевского: «Сколько законов не только разрушено жизнью, но и покрыто недоброй памятью».

– Почему вы трижды забирались в этот магазин?

– В первый раз я выкрал женское платье, а потом возвращался, чтобы поменять его по требованию жены.

Когда он чувствовал себя плохо, его забирала «скорая помощь», а когда хорошо – сотрудники вытрезвителя.

– Итак, вечером в воскресенье на городском кладбище вы украли детский велосипед...

– Я подумал, что несчастный малыш умер.

– Что вы делали в ночь с третьего на четвертое сентября?

Из досье
Вячеслава
СЫСОНОВА

– Я был здесь же, месье, и отвечал на вопрос, что я делал в ночь с пятого на шестое августа.

– Вы признаетесь в том, что присвоили эти четыре миллиона двести сорок две тысячи долларов?

– Да, сэр. Но я был так голоден!

– Мадам, вы не видели поблизости полицейского?

– Нет.

– Тогда гони кошелек!

Из газетного сообщения: «К счастью, погибший держал свои сбережения в сейфе, взломать который преступникам не удалось».

Главный художник Вячеслав Мельников, корректор Наталья Лобунцова

Компьютерная верстка, дорепечатная подготовка и печать АО «Московские учебники и Картолиграфия». 125252, Москва, ул.Зорге,15. Тел.(095) 943-2395
При перепечатке ссылка на журнал «Российский адвокат» обязательна. Тираж 30 000

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1998 ГОДА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ В РОССИИ И СНГ

Институт Адама Смита в
Интернете: <http://www.asibsi.com>

Практическая правовая конференция по успешному составлению контрактов, ведению переговоров, достижению выполнения условий договоров и разрешению коммерческих споров в регионе

СРЕДИ ДОКЛАДЧИКОВ:

- ★ Виталий СУББОТИН, Начальник Международно-Правового Департамента Министерства Юстиции, Российская Федерация
- ★ Судаба ГАСАНОВА, Министр Юстиции, Азербайджан
- ★ Бауржан МУХАМЕДЖАНОВ, Министр Юстиции, Казахстан
- ★ Бронислав СТЫЧИНСКИЙ, Первый Заместитель Министра Юстиции, Украина
- ★ Ольга КУЗНЕЦОВА, Государственный Антимонопольный Комитет, РФ
- ★ Вениамин ЯКОВЛЕВ, Председатель Высшего Арбитражного Суда, РФ
- ★ Хорасио Григера НАОН, Генеральный Секретарь, Международный Арбитражный Суд, Международная Торгово-Промышленная Палата, Франция

Доклады и конкретные примеры представлены следующими компаниями:

- ★ Price Waterhouse CIS Law Offices ★ Mars CIS ★ PLM ★
- ★ Clifford Chance ★ Global Telesystems ★ Cameron McKenna ★
- ★ ЛЕДЖИСТ ★ Maguire, Woods, Battle & Boothe ★ UNISYS ★
- ★ Russian-Ukrainian Legal Group ★ Клишин & Партнеры ★
- ★ LeBoeuf, Lamb, Greene & MacRae ★ Norton Rose ★
- ★ Ledingham Chalmers ★ Nörr, Stiefenhofer & Lutz ★

3 и 4 декабря 1998 года, гостиница "The Renaissance Penta", Вена

Спонсор:

**McGUIRE WOODS
BATTLE & BOOTHE LLP**

AUSTRIAN AIRLINES ➤
Official Carrier

Организатор: **ИНСТИТУТ АДАМА СМИТА**

Администратор: **BUSINESS SEMINARS INTERNATIONAL LTD**

За дальнейшей информацией и полной программой конференции обращайтесь, пожалуйста, к Александру Толоконникову, The Adam Smith Institute, Conference Division, по телефону: 44 171 4903774, факсу: 44 171 4908932 или E-mail: atolokonnikov@asibsi.com.

К О Н С О Р Ц И У М

СЕВЕРНАЯ ИМПЕРИЯ

КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ, ВЕНТИЛЯЦИЯ, СИСТЕМЫ ОТОПЛЕНИЯ

TOSHIBA

Кондиционеры

Rurox

Вентиляционное
и отопительное
оборудование

LHG KANALFLÄKT AB

Вентиляционные
системы

NOVO

Электрообогревательные
панели

Дорога в мир идеального климата

Телефоны:

(095) 234 34 81
234 34 82
360 10 59
150 45 57
166 24 72
269 61 24

Факс:

(095) 938 24 35

Дилерский отдел:
(095) 232 35 82
(многоканальный)

Посреднические услуги оплачиваются

Адреса демонстрационных залов:

Фрунзенская набережная, 30, "РОССТРОЙЭКСПО",
пав. 12, этаж 1, стенд №6 (ст. м. "Фрунзенская"), тел. (095) 242 82 77;
ул. Строителей, 17/2 (ст. м. "Университет"), тел. (095) 938 03 88.
Офис-склад: ул. Нижегородская, 33 (демзал, розничная продажа),
тел. (095) 278 99 09, 278 96 10.

Работаем без выходных.